

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

ОХОТА НА ПОЛУЗВЕРЯ

ГАЙ ЮЛИЙ ОРЛОВСКИЙ
МАРГО ГЕНЕР

16+

Гай Юлий Орловский
Марго Генер

Охота на полузверя

Серия «Золотой Талисман», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41311866

SelfPub; 2022

Аннотация

Цитадель растет. В нее стекаются представители разных рас. Но не все горят желанием склониться перед ее силой, и даже внутри воровской стаи вспыхивают противоречия. Лотеру не нравится, когда подрывают его авторитет и против его приказа нарушают порядок в кругах Цитадели. Чтобы разобраться с этим, полузверю приходится отправиться туда, куда никто по доброй воле не сунется, где его ждет непростой выбор...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	66
Глава 5	85
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Марго Генер, Гай Юлий Орловский Охота на полузверя

Глава 1

Топор с грохотом обрушился на полено. Две идеально ровные половинки разлетелись в стороны. Одна ударилась в ствол березы у входа в землянку, другая застряла в расщелине пня, приспособленного специально для рубки дров.

– Еще чуток, – прорычал ворг и окинул хмурым взглядом лесок.

Деревья большие, массивные, но места достаточно, чтобы подлесок и мелкая поросль чувствовали себя уютно. Полян много, но все разные, потому как одни полузвери любят землянки под открытым небом, а другим подавай купол из зеленых крон.

Глубоко вдохнув утренний воздух, Лотер хрустнул шеей и задрал голову, щурясь, словно свет причиняет боль.

Солнце радостно льет свет на мир, чистое и умытое после ночного сна, ворговский лесок снизу кажется подсвеченным, делая листья похожими на изумрудные. Где-то в глубине за-

ливається иволга, рядом над кустом шиповника гудит шмель, а чуть дальше за дубом ковыряється енот, пытаєсь расколоть орех.

– А ну, брысь! – пригрозил ворг и зевнул во весь рот. – Где один там и два. Думаєсь, я енотов не ем? Ем, еще как. Когда невыспатый, я все ем.

Уже неделю он мучился от дурных снов, засыпал под утро, но через пару часов просыпался и шел колоть дрова.

В снах приходила Изабель, куда-то звала, что-то просила, протягивая изящные белые руки и умоляюще смотрела из тумана. Когда он пытался приблизиться, ухватить за пальцы, принцесса рассыпалась, в прах, а Лотера выкидывало из сна.

Он тряхнул головой, выгоняя дремоту, и пробормотал под нос:

– Не тревожься, Изабель. Я найду тебя. Клянусь великой медведицей. Перекопаю всю Мертвую степь, но найду.

Потом взял новое полено и установил на пень. Едва замахнулся, сердце застучало быстрее, по венам потекла кровь, заставляя мышцы на руках вздуваться. Спина напряглась, а по позвоночнику побежали горячие капли.

Когда топор помчался вниз, краем уха уловил хруст, какой может учинить лишь существо, забывшее о незаметности и осторожности. Ветерок принес порцию запаха, крылья носа дернулись, учуяв Главу совета.

За спиной гаркнули:

– Доброго утра!

Лотер резко оглянулся, направление топора изменилось, и острое с хрустом вошло в пень на половину.

– Теонард! – огрызнулся полужверь, дергая рукоять топора. – Сдурел так орать? Я дрова колю! А если б топор швырнул с перепугу?

– Ты? – с сомнением проговорил арбалетчик. – С перепугу? Вот если для забавы, или в назидание, поверю. Но чтобы с перепугу...

– Ну не с перепугу. Ты ж как лось пыхтишь и хрустишь, за версту слышно, – отозвался Лотер. – А еще красться пытаешься. Кто тебя надоумил к вору подкрадываться?

Теонард развел руками и сделал самое честное лицо, на какое способен.

– Так я не крался, – сказал он. – Специально хрустел. Чтоб услышал, учуял и возрадовался.

– Ладно, – отмахнулся полужверь, все еще дергая рукоять из-за лезвия, которое вошло, как в масло, а выходить не хочет. – Чего пришел? В мой лесок добровольно даже серая не заглядывает. Небезопасно тут всяким... Не воргам.

Теонард задрал голову, с любопытством осматривая широкие кроны, потом скользнул взглядом по землянке, которая кажется небольшим холмом, поросшим травой и ежевикой.

– Да я так, – произнес он, все еще глаза по сторонам. – Проведать. А то не выходишь из своих зарослей неделю. Вдруг случилось что-то, а я не знаю. Я же вроде Глава. Ты

сам наказал за порядком следить. Вот, слежу. Не сплю, не ем, все слежу...

Лотер, наконец, выдрал топор, пень жалобно скрипнул и покосился.

– А ты спи. Не выспатым много не уследишь, – сказал он и швырнул топор в кусты.

Там испуганно пискнуло, потом зафырчало, будто потревожили спящую лису. Послышался топот убегающих лап, ворг нахмурился и потянул носом, надеясь отследить зверя по запаху, но ветерок с другой стороны, а оттуда только болотной тиной от резиденции Булука несет.

– Тьфу, – выругался он. – Слушай, Глава, говоришь, следишь за порядком? Скажи огру выловить тину. Мне по утрам весь лес заванивает. Чуешь?

Теонард шумно потянул носом, веки прикрылись, брови зашевелились, словно не просто пытается почуять, но и представить, тину во всей красоте.

Потом открыл глаза и покачал головой.

– Нет. Не чую.

– Совсем? – спросил полузверь щурясь.

– Вообще ни капельки, – честно заверил арбалетчик. – Это, видать, твой звериный нос только может. А людям надо в самую лужу носом тыкаться, чтоб уловить.

– Люди, они такие, – хмуро отозвался Лотер и подошел к кусту шиповника, куда только что улетел топор.

Присев, беглым взглядом осмотрел ветки. У самых кор-

ней несколько поломанных, травинки примяты, а на земле едва заметные следы четырех лап, небольших, но с когтями. Для енота мелковато, а для лисы в самый раз. Ради надежности, ворг сорвал сломанную травинку и поднес к носу.

– Ишь ты, – сказал он, пригнувшись, потом выпрямился и обернулся. – Слушай, Теонард, раз ты сам пришел. Дело вот какое...

Он помолчал, все еще разглядывая травинку, а Глава проговорил:

– Ну давай, не томи уже.

– Ты верно заметил, что носу не кажу из леска, – сказал полужверь, смачно хрустнув всем позвоночником. – Тревожно мне, аж спать не могу. Натура звериная зовет в дорогу. За принцессой надо.

По лицу Теонарда скользнула тень, пальцы нервно дернулись, он потер шею и спросил:

– Что, прям сейчас?

– Да пес его знает, – кривясь, проговорил полужверь. – Вроде и здесь дел навалом. Круги ширятся, растут, как грибы после дождя. И вон, лесок мой тоже в крепкой руке нуждается.

– Так может ну, это... Не надо? В смысле ломиться в поход, – осторожно поинтересовался Теонард. – Сам говоришь, работы валом.

Глава Совета покусал губу, а Лотер кивнул и вздохнул так тяжело, словно уже ползет через Мертвую степь.

– Тяжко ей, – проговорил он. – Я и так тут времени потратил. Гляди, какую Цитадель отгрохали. Теонард, я ворг, мне нельзя в клетке.

– Ничего себе клетка! – охнул Глава. – У тебя целый лес.

– Лес-то, лес, – согласился Лотер. – Но там принцесса. Ты сам за осколком полез ради своей. Понимать должен.

Теонард вздохнул.

– Да я понимаю, – сказал он. – Просто без тебя будет тяжело. Особенно с воргами. Они ж никого, кроме тебя, не слушают. Пока ты дрова рубишь, их еще прибыло. Некоторые нарушают правила, перекидываются у людей на виду. Как с ними без ворговского Хранителя справляться?

Лотер потер зудящие из-за недосыпа глаза, от неприятного предчувствия засвербело внизу спины.

– Перекидываются, говоришь? – спросил он. – Странно это. Ворги мне клятву приносят, как приходят.

– Ну, может, не все поклялись, – предположил Теонард. – Или пока клялись, пальцы за спиной крестиком держали.

Полузверь покачал головой.

– Ворги – не люди. Они бы не стали супротив клятвы идти. У нас неповиновением очень строго. А за отсутствие не боись. Как скажу, так и сделают.

– Что-то не больно они тебя слушают, – отозвался Теонард, – если нарушают.

– Мои ворги ничего не нарушают, – мрачно повторил полужверь.

Он снова поставил полено на покосившийся пень. Оно встало криво и норовит упасть во время замаха, что значит, можно стукнуть и по пальцу.

Ворг покривился. Отложив топор с поленом, обхватил пень могучими руками. От недосыпа и напряжения в голове зазвенело, но мышцы снова вздулись, спина напряглась, а пень скрипнул и встал на место.

Теонард помычал, собираясь что-то сказать, но полужверь потянулся к топору, и ладонь Главы механически дернулась к арбалету. Ворг хмыкнул, мол, не бойся, своих не трогаю, и неважно, что ты всего лишь человек. Потом снова выставил полено и рубанул со всей дури.

Сухо хрустнуло, половинки полена развалились, а Лотер опять хрустнул шеей и выдохнул.

– Фух. С утра воюю с этими бревнами. Видал, сколько нарубил? Хватит, чтобы выложить пол в трех землянках.

– Я думал вы прям так, на земле спите, – протянул Теонард, глядя на сосну, которая раскинула лапы, словно пытается схватить.

– Можем и на земле, – согласился Лотер. – Но воржихам лучше на сухом, да и щенкам по первому нехорошо по земле ползать.

Глаза Теонарда округлились, рот раскрылся для вопроса, но ворг поспешно добавил:

– Это для пришлых. Там воржиха и два мальчика. Остались без ворга. Погиб, защищая семью. А я, как никак, Храни-

тель. Должен заботиться.

– Что же они делать будут, если уйдешь? – спросил Теонард. – Кто будет дрова колоть?

Лотер потер щеки, пытаясь ободриться, заставить кровь мчаться еще быстрее, но веки все равно тяжелые, словно к ним привязали двух Тарнатов.

– Они справятся, – сказал он. – Я много дров наколю, наказы дам, пригрожу головы оторвать, в конце концов. Но не держи меня, Теонард. Мне нужно забрать Изабель.

Глава вздохнул и произнес:

– Тебя не удержать силой, это я понимаю. Но, ладно. Дело того стоит, наверное. Только прежде, чем отправляться на все четыре стороны, успири своих полужверей.

Лотер ощутил, как сквозь усталость в груди просыпается недовольство, он мрачно зыркнул на Главу и проговорил:

– Мои полужвери ничего не сделали. Я уже сказал.

– Тогда чьи? – спросил Теонард. – В общем, дело твое. Я понимаю, если не захочешь решать вопрос, никто тебя не заставит. Кому охота со взбешенными воргами связываться. Но я с тобой не ссориться пришел. И вообще, зачем нам ссориться? Тебе доверяю больше, чем многим... Другим. Но не приснилось же мне, как полужвери народ пугают, в конце концов.

Лотер зарычал, но промолчал, думая, что сам отправляется в путь лишь потому, что Изабель зовет его во снах.

Он сгреб огромными руками половинки поленьев в охап-

ку и понес за землянку. В животе голодно квакнуло, а колючки и оттопыренные щепки больно впились в кожу. Лотер подкинул всю охалку разом, перехватывая удобней. Потом свалил дровяшки в кучу и вернулся к Теонарду.

Тот стоит какой-то печальный и озадаченный, разглядывая рукоять топора, что валяется в траве. Лотер стряхнул с груди опилки, которые запутались в волосах, и сказал чуть смягчаясь:

– Ну перекидываются, и что? Не кусают же никого. Или кусают?

– Да не кусают, – отозвался Глава. – Пока. С воргами совладать под силу только вожаку. Меня слушают, но лишь потому, что мы с тобой ладим. Мир в Цитадели поддерживать непросто. А если полужвери будут творить, что вздумается, пойдет недовольство. Люди взбунтуются, начнутся беспорядки. А это, сам понимаешь... В общем, ты на меня взвалил главствование, так иди и правь своими воргами. А потом можешь хоть к самому чародею.

Лотер поскреб подбородок и зевнул.

– Чего это взвалил? – спросил он. – Не взвалил, а мудро подтолкнул. Не мне же хребтяку гнуть. Но ладно. Говоришь, людей пугают. Оно, вообще-то, правильно. Вас надо пугать, чтоб неповадно было. Но, если грозит беспорядками, схожу. И беседу побеседую. Но только потому, что сегодня добрый. А потом за Изабель. И не пытайся удержать.

Теонард облегченно выдохнул и поправил арбалет на пле-

че.

– Мудро, – сказал он. – Мне аж полегчало. А то думал, как с Каонэль будет.

– А с ней чего?

– Да ничего, – отозвался он кривясь. – У нее тоже эльфов прибыло, начали носы во всё совать. Вроде не солнечные, обычные, или как их там... Не помню. Все на одно лицо, остроухие...

Лотер кивнул.

– И дерзкие.

– Вот-вот, – согласился арбалетчик. – С утра два остроухих ко мне в дверь тарабанят, требуют, чтоб разрешил построить забор между Деревом Каонэль и шахтой Тарната. Не разрешил. Они грозиться, мол, они древние, мудрые, и все в том же духе.

В кустах снова хрустнуло, Теонард не повел ухом, продолжая рассказывать, как пришлось вызывать серую, убеждать что никаких заборов строить нельзя, но ворг напрягся.

Кивая и поддакивая, он бесшумно приблизился к зарослям шиповника и потянул носом. Ветер все еще с другой стороны, но полузверь уловил тихое дыхание и сердцебиение, как у перепуганной мыши.

– Я тебя чую, – сказал он тихо, но четко. – Выходи.

Послышалось фырканье. Когда Лотер стал медленно наклоняться, из кустов шмыгнула черная полоска с пушистым хвостом, а в лицо ворга пыхнуло красноватое облако пыли.

Лотер закашлялся и замахал руками, пытаясь отогнать взвесь, но та, словно нарочно лезет в глаза, нос и рот. Лицо щипало, по щекам потекло горячее, а горло перехватило каменной рукой. Мир стало затягивать багровым туманом, а мысли превратились в густой кисель.

Откуда-то из-за стены донесся глухой голос.

– Лотер? Ты там чего?

Ворг хотел ответить, чтоб дал воды, но из глотки вырвался медвежий рык. Он замахал руками, пытаясь в дымке найти опору. Когда пальцы нащупали мягкое, прямо в ухо заорали:

– Лотер! Не спи стоя!

Туман неожиданно рассеялся и ворг увидел перед собой озадаченное лицо Теонарда, которому он вцепился в плечо так, что смял кожаную жилетку.

– Лотер! Ты...

– Не вопи ты так, – прохрипел полузверь, откашливая остатки красного тумана.

Теонард освободился от воровской хватки и облегченно вздохнул.

– В полузверях я плохо разбираюсь, – сказал он. – Но вы специально засыпаете стоя?

Лотер все еще ощущал слабость, теперь уже не только от недосыпа, но и от багровой пыли, которую какая-то тварь сыпанула ему прямо в глаза. Он вытер лицо, и посмотрел на ладонь, надеясь увидеть остатки порошка. Но та чистая, хоть и в желтых мозолях.

Полузверь клацнул зубами и спросил:

– А чего было?

– Да ничего такого, – отозвался Теонард. – Стоял-стоял, потом отрубился. Я тебе про женщин, а ты застыл камнем. Глаза стеклянные. Ты так не пугай больше. Поспи что ли.

– Угу, – согласился Лотер, кивая. – Надо поспать. О чем мы там?

Теонард проговорил, отшагнув, все еще подозрительно взглядываясь в полузверя:

– Ну, я про твоих воров и эльфов, ты – про Изабель.

– Изабель? – спросил Лотер.

Глава поправил арбалет на спине и покосился в сторону едва заметной тропинке между кустами малины, по которой пришел.

– Да можешь не делать вид, что только ради долга за ней идешь, – сказал он. – Все твою историю знают. Только вот я, например, имя первый раз слышу. Да чего кривить, дело того стоит. Только осколок не потеряй. Хотя можешь дать его мне на сохранение.

– Еще чего, – буркнул полузверь, пытаясь собрать воедино мысли, которые разбежались, как муравьи в развороченном гнезде.

А Теонард продолжал:

– В общем, отоспись, разберись с воргами, и вперед, за Изабель. Только вернись и не помри где-нибудь. Талисман и без тебя будет работать, хотя слабее. Но не хочется терять не

совсем союзника... Но... В общем, ты понял.

Лотер невнятно промычал, все еще не совсем понимая, что несет Глава, потом нехотя кивнул и отвернулся, устремив взгляд к деревьям, за которыми скрылся зверь. В голове все путалось – лица, морды, запахи, чьи-то слова, голос издалека.

Он слышал, как Теонард сопит, порываясь сказать еще что-то, но потом развернулся и зашагал в сторону своей резиденции, хрустя ветками, как разбуженный медведь.

– Теонард! – крикнул полужверь ему вслед. – А что за Изабель?

Тот оглянулся.

– Уже шутишь. Значит, идешь на поправку, – отозвался он и скрылся за кустом.

Лотер озадаченно посмотрел на место, где исчез человек и с силой потер лоб. В ушах пульсирует, в груди словно что-то перекрыли, словно бутыль накрепко заткнули пробкой. Лотер попытался прикинуть, что могло лишиться его внимания, но пробка в груди встала намертво.

Спать все еще хотелось, зато мысли понемногу собрались в кучу и остановились на воргах, которые, по словам Главы, посмели послушаться и наплевать на наказ вожака.

Он покачал головой и сдвинул плечами. Когда шаги Главы затихли, полужверь пересек поляну и заглянул за дуб, куда скрылся зверь, окативший его туманом. Там пусто, но прижатая трава и узкие следы ведут вглубь ворговского леска.

Лицо Лотера помрачнело, брови надвинулись на глаза, он еще раз оглядел место, где топтался то ли зверь, то ли человек и проговорил глухо:

– Твоя правда, Теонард. Леший знает, что тут творится.

Зевая и потирая глаза, полужверь занялся исследованием территории вокруг землянки, обшарил кусты, енотьи норы, но след увел на раскидистую сосну и оборвался на верхушке, что значит лазутчик ушел по воздуху.

– Если ворг, – проговорил полужверь себе, – значит ша-рахнулся прямо на дереве и перекинулся птицей.

К землянке вернулся лишь после полудня, раздосадованный и угрюмый, а когда приблизился ко входу, обнаружил воржиху, сидящую перед холмиком жилища.

Глаза круглые, испуганные, лоб пробороздили три глубокие морщины, которые не исчезают даже когда спокойна, от уголков глаз разбегаются паутинки, а в медных волосах, перехваченных шнурком, седые пряди.

Полужверь прищурился, вспоминая, кто такая и откуда взялась. А воржиха, завидев Лотера, подхватила длинную юбку и поднялась. Несмотря на то, что значительно старше Хранителя, тело подтянутое и стройное, юбка с нарочно заниженной талией, а в жилетке вырезан круг, чтобы показать плоский, рельефный живот.

Лотер дернулся склонить голову перед старшей, как подобает воргу, но вовремя спохватился, вспомнив, что сейчас он не просто ворг.

– Да хранит тебя великая медведица, – произнес он.

– И тебя, вожак, – отозвалась воржиха.

Лотер напрягся, силясь сообразить, что ей надо. Лишь через пару мгновений сквозь красный туман пробились отблески прошедшей недели.

– А... – протянул он. – Ты ведь недавно у нас?

Воржиха странно посмотрела на него и ответила:

– Неделю как. С воржатами. Ты же сам нам землянку выкопал.

– Гм, ну да, – пробормотал Лотер, вспоминая, как рубил поленья. – Выкопал. И как землянка? Мальцам не сыро? Я еще нарубил деревяшек для пола, можно выстилать. Принести могу, если самим трудно.

Воржиха быстро покачала головой, не сводя с него тревожного взгляда, и сказала:

– Благодарствую Лотер, хранитель воргов. С детьми все хорошо, отъедаются, отсыпаются после тяжелых испытаний. Если великой медведице будет угодно, пройдут инициации и станут такими, как ты.

– Как я не надо, – нахмурившись, проговорил полужверь. – Пусть лучше, как их отец, или дед. Или кто.

Воржиха нервно улыбнулась, отерев лоб.

– Они тебя почитают, как великого вожака, – сказала она. – Сильного, жесткого и справедливого. Прошедшего самые суровые инициации. Они верят, лишь так можно стать Хранителем.

Взгляд воржихи впился в лицо полузверя. В черных, как уголь, глазах, полыхнуло зарево, словно знает, какие инициации он прошел, а какие нет, и что из стаи пришлось уйти как раз из-за нехватки жестокости.

Лотер еще больше помрачнел, недовольный, что в голове кисель, из которого трудно вытаскивать мысли, а в глазах сухость, будто полдня смотрел на ветер.

– Хранителем тоже быть непросто, – сказал он медленно. – Пусть выберут кого-нибудь другого для подражания. Доски принесу позже, сейчас дела есть.

Он шагнул ко входу в землянку, но на плечо легла мягкая, и одновременно сильная ладонь.

– погоди, – произнесла женщина. – Я не за этим пришла. Не за досками.

Ворг покосился через плечо на встревоженное, обветренное скитаниями и частыми оборотами лицо воржихи.

– Еды надо? – спросил он на всякий случай. – Могу оленя задрать. Хотя, ты и сама можешь.

Она нервно улыбнулась и произнесла:

– Спасибо за похвалу. Но не в пище дело. Тут... вот что... Моя бабка была шаманкой в стае. Сильной, к ней все обращались. У матери этого дара не было, а вот мне немного передалось.

– Ну, новость хорошая, – проговорил Лотер. – Шаманка в стае всегда к удаче.

Воржиха убрала ладонь с плеча Хранителя, взгляд опу-

стился в траву у ног.

– Шаманка из меня не очень, если честно, – сказала женщина. – Но иногда духи шлют видения. Некоторые понятные, а другие не очень. Как сегодня...

Волосы на загривке Лотера помимо воли поднялись, и без того непослушные мысли, сбились в стаю, готовые снова разбежаться, дав волю звериным инстинктам.

– И что послали тебе духи? – спросил Лотер, глубоко выдыхая, чтобы не допустить неуместного озвера. – Что видела?

Воржиха покривилась, взгляд стал виноватым, она сказала:

– Сложно сказать. Тени, хвосты... Ты кому-то нужен... Все смутно. Но знаю одно, Лотер, Хранитель воргов. Вокруг тебя сгущается туман. Не затеряйся в нем.

Плечи полузверя немного расслабились, шерсть на холке опала, а он, наконец, обрел контроль над озвером.

Обхватив могучими руками шаманку за плечи, Лотер произнес:

– Послушай, благодарствую, что сказала, но хвосты и тени вора не испугают.

– А как же то, что ты кому-то нужен? Может, хотят навредить.

– Я всегда кому-то нужен, – проговорил Лотер ухмыляясь так, что любой человек побледнел бы от ужаса. – Что ж теперь, по каждому зову бегать? А навредить... Пускай по-

пробуют.

Он приподнял верхнюю губу, демонстрируя клыки. Но воржиха подалась вперед, готовая вцепиться в шерсть на груди, глаза вытаращились, рот раскрылся.

Видя, как исказилось лицо женщины, Лотер убрал ухмылку, а она сказала:

– Лотер, духи посылают непонятные видения, но я лишь прошу быть осторожным. Мои дети потеряли отца, не хочу, чтобы лишились и главного вожака. Ты и так выглядишь, будто не спал неделю, а потом окунулся головой в перечный порошок. Не бережешь ты себя, и нас не бережешь.

В глазах воржихи заблестела влага, что значит – доверяет Хранителю и не боится казаться слабой.

Лотер насупился и отвернулся, не зная, как реагировать на такую открытость, несколько секунд глазел на куст шиповника, из-под которого на него сыпанули пылью, потом перевел взгляд на узенькую тропинку, что ведет к выходу во внутренний круг резиденций и Залу Советов.

– Ладно, мать, – произнес он, с выдохом, – буду осторожен. Иди к детям, потрепай за ушами от меня. Мне тут Теоnard задачу задал, надо решать. Вечером принесу деревяшки.

– Сама заберу, – отозвалась воржиха. – Ты, главное...

– Буду, буду, – прервал ее полужверь.

Женщина окинула его тревожным взглядом, каким могла бы смотреть мать, потом тяжело вздохнула и, развернув-

шись, широкими шагами направилась в глубину ворговского леса.

Полузверь все еще ощущал, что должен разобраться с нелепым обвинением воргов, но какая-то другая сокровенная мысль постоянно ускользала, словно ее укрывает красная пыль.

Он зажмурился и потер лоб, но мысль так и осталась в тумане.

Дождавшись, пока шаги женщины стихнут, вошел в землянку, быстро оглядел скромную обстановку. Когда строил свое жилище, пол оставил земляным, но набросал оленьих шкур в углу. В другой стороне установил грубо сколоченный стол с короткими ножками, на нем маленький топорик для разделки и три кучки зеленоватых костей, раздробленных так мелко, что можно принять за леденцы.

Быстрым движением Лотер сгреб одну из них в карман, пару косточек закинул в рот, надеясь, что они помогут вернуть уму четкость. Потом вышел, заперев дверь замысловатым замком, которому не требуется ключ, но открыть может лишь тот, кто замыкал.

Он двинулся мимо деревьев, с которых время от времени слетают воробьи и строго смотрят, мол, кто это ходит мимо нашего дома, потом громко чирикают и скрываются в листве.

– Чирикайте, – пробормотал полузверь, чувствуя приятное послевкусие после зеленой косточки. – Летайте, только

не пачкайте крыши землянок.

Он прошел через заросли малины, которые словно защитный круг, растянулись возле его леска, и, наконец, оказался на открытой территории. Перед ним раскинулась обширная долина, в середине которой высится главное здание Цитадели. Голубоватый купол блестит в солнечных лучах, в небе парят гигантские птицы, что не птицы, а горгульи, которые патрулируют сверху.

От Зала Советов к его леску ведет дорожка, ровная, словно специально вымеряли. Лотер шумно вдохнул и потянулся, громко хрустя позвонками, потом глянул налево, где другая тропа, менее заметная, ведет в сторону башни Теонарда. За ним она бежит дальше и упирается в роскошное Дерево Каонэль, ветки которого видно даже отсюда. А потом приходит к шахте Тарната.

Ворг шевельнул носом, пробуя морской воздух на вкус. В его потоках мелькнули запахи безмятежного огриного болота, кухонных изысков Эвриалы, которая до сих пор хозяйничает в замке Страга.

– Ну и где ему мои ворги привиделись? – проговорил полужверь себе.

Едва сделал шаг обратно к своему леску, как из-за домов, что ровными рядами идут сразу за кругом Хранителей, вышли две амазонки. Обе поджарые, в коротких юбках, чтоб удобней на коне сидеть, на поясах поблескивают ножны мечей, а за спинами короткие луки. На загорелых ногах играют

мышцы, а грудь туго перетянута для удобства скачки.

Ворг так засмотрелся, что очнулся, лишь когда они приблизились.

– Доброе утро, Хранитель, – крикнула та, что ближе и помахала рукой.

Полузверь коротко кивнул.

– Доброе, – отозвался он. – Конечно доброе. Какое оно может быть, если у Цитадели такая чудесная охрана?

Амазонки смущенно заулыбались, а Лотер поинтересовался:

– Как там дела на границах? В жилых районах спокойно?

– На границах все хорошо, – отозвалась все та же амазонка с черными, как деготь, волосами. – Среди народа тоже все мирно, слава богам. Только...

Она запнулась, щеки покраснели, а взгляд опустился, как у непорочной девицы, которая зашла в дом с багровым фонарем.

Лотер нахмурился, складывая руки на груди.

– Давай уже, не тяни, – проговорил он. – Не съем. Честное слово.

Амазонки переглянулись, черноволосая сделала глубокий вдох и произнесла:

– Воргов заметили на территории людей. Перекидываются, народ пугают.

Лицо Лотера стало еще темнее, он покосился в сторону леска, где для своего племени создал условия, каких у них

никогда не было, потом перевел взгляд на дома в первом круге людей.

– И что? – хмуро спросил он. – Часто пугают?

– Ну, – протянула амазонка, – только вчера жаловались, что кто-то напугал корову у одного мужика. Теперь молока не дает.

– Гм...

– А до этого перепугали двух пастушек, – продолжала амазонка. – Те теперь боятся из домов выходить.

Лотер усмехнулся, но, заметив оторопелые взгляды воительниц, быстро сделал вид, что очень недоволен и готов наказать всех виновных.

– Перекидываются и ворги и воржихи, – закончила амазонка.

Полузверь глянул на нее, приподняв бровь.

– Воржихи? – переспросил он. – Ты уверена? Обычно они не слишком охотно превращаются на глазах у людей. Даже у соплеменников. Это воргу все равно, что голышом увидят. А воржихи, они стыдливые.

Амазонка сдвинула тонкие брови, видно, еле сдерживается, чтобы не сказать что-то резкое. Лишь то, что перед ней Хранитель, заставляет соблюдать приличия.

Она покачала головой и произнесла:

– Нет, точно. Воржихи тоже превращаются. Одну даже сама видела. В темноте, едва разглядела. Но точно воржиха.

– Мда... – протянул ворг. – Странно это. Мои ворги все

покаялись в верности...

Лотер запнулся и замолчал, поняв, что обсуждает вопросы стаи с чужими, да еще и с людьми. Он зарычал от недовольства и на себя, и на амазонок, которые принесли дурные вести, и на воров, которые посмели ослушаться его приказа после того, как присягнули.

Воительницы отшатнулись, пальцы схватились за рукояти мечей. Лишь когда ворг посмотрел в сторону и задумчиво потер подбородок, расслабились.

Пару мгновений он стоял неподвижно, соображая, как такое возможно, и если возможно, что кому первому отрывать голову. Потом потер глаза двумя пальцами и сказал:

– Ладно. Идите, бдите дальше. Спасибо за службу.

Амазонки кивнули и двинулись дальше по краю круга резиденций, покачивая тугими вскинутыми ягодицами.

Лотер провожал их мрачным взглядом, постепенно переходя в форму озвера, которая случается либо когда очень злой, либо когда голодный. Шерсть на теле удлинилась, клыки вытянулись и уперлись в губы, пришлось раскрыть рот, пальцы вместе с когтями стали медленно превращаться в чудовищную лапу.

Лотер злопыхал, как разъяренный кабан, готовый ринуться на любого, кто окажется на пути. Так он простоял несколько минут, прежде чем смог взять себя в руки и заставить кисель мыслей течь ровно, без желания кого-нибудь разорвать.

Потом развернулся и двинулся обратно в лесок, ломая ку-

сты малины, словно лось. Когда добрался до своей землянки, голова запрокинулась. В груди заклокотало, а из глотки раздался рык похожий на смесь рева медведя с клокотанием орла, что означает приказ членам стаи бросить все и прибыть к вожаку.

Глава 2

Лотер сел на пень, который использовал для рубки дров, и стал ждать.

Спустя пару минут появился первый ворг, бурый, как медведь Восточного края. Волосы по плечи перехвачены кожаным ремешком, сам в одних портках, как и Лотер.

Бурый быстро приложил ладонь к груди в знак подчинения и склонил голову. Хранитель ответил коротким кивком, показывая взглядом, мол, выбирай место. Тот быстро пересек полянку и опустил зад на полено, оставшееся после рубки дров.

Потом пришла воржиха с двумя воржатами, та, что рассказывала о видениях, затем другие ворги. Лотер наблюдал, как прибывают полузвери и тревожно косятся.

Он скользил взглядом по каждому пришедшему, нервно барабаня когтями по пню, на котором сидит, и втягивал воздух, словно намеревается по запаху распознать отступников. Когда, наконец, все собрались, он молча встал и снова медленно оглядел каждого. Полузвери хмурились и переглядывались, не понимая, почему Хранитель странно себя ведет, воржихи повтягивали головы, а те, что с детьми, прижали щенков к себе.

Лотер шевелил носом, прислушивался к ощущениям, но

звериное чутье молчит, лишь красный туман на задворках сознания висит плотной пеленой, словно закрывает что-то.

Спустя пару минут, бурый ворг не выдержал, он осторожно произнес:

– Вожак?

Лотер дернулся, словно очнулся ото сна и повернул к нему голову.

Тот все так же осторожно продолжил, будто опасается вызвать ярость самого влиятельного ворга в мире:

– Вожак, мы прибыли по твоему зову. Что случилось?

Лотер сдвинул брови, сложив руки на груди, выждал еще пару мгновений и спросил:

– Ответьте, чем славен народ полузверей?

Над поляной прокатился изумленный вздох, ворги вытаращили глаза, а бурый, самый молодой и несдержанный сказал с жаром:

– Мы бесстрашны и свирепы!

– Верно, – согласился Лотер кивая. – А еще?

Бурый поднялся и проговорил, еще больше распаляясь:

– Мы неутомимы в бою, мы можем спать на голой земле и снегу! Мы можем превращаться в любых зверей! Нежить трепещет от одного нашего имени. Она так нас боится, что даже пыталась поработить! Она похитила принцессу!

Стая притихла. Воржиха шикнула на бурого ворга, а остальные с тревожным ожиданием стали переводить взгляд с молодого болвана, на вожака, опасаясь, что тот оторвет зве-

реньшу голову.

Лотер ощутил неладное, но почему ворги затаились, не понял. На всякий случай скрипнул зубами и оголил клыки. Молодой ворг побледнел, но не сдвинулся с места, чем вызвал одобрителный ропот, мол, бесстрашен, значит, достойный.

– Ты все правильно говоришь, – произнес Лотер, чуть втягивая клыки обратно, чтобы не пугать двух маленьких воржих возле юбки шаманки. – Но ты забыл кое-что важное. Самое важное для стаи.

Бурый стал еще бледнее. Глаза покраснели, тело начало покрываться густой коричневой шерстью, а на пальцах вытянулись когти. Старые ворги, что сидят у самых деревьев покачали головами, хотя в глазах снова мелькнуло одобрение. Молодому воргу не справиться с Лотером, чья мощь усилена Осколком, но звереныш не отступил и готов принять смертный бой, если случится.

Лотер оглядел его с головы до ног и приблизился вплотную, шумно втягивая воздух, в котором растеклась угроза.

– Ты славный звереныш, – прорычал он глухо. – И мне совсем не хочется отрывать тебе голову. Ты смел, хоть и безрассуден. И тебе нужно еще многому научиться прежде, чем пройти все инициации и стать настоящим воргом. Но...

– Не гневись, вожак, – прервал его бурый. – Но, всем известно, что ты сам прошел не все инициации.

В толпе охнула воржиха, по тону и шепоту, что раздался с

той стороны, Хранитель понял, это мать бурого ворга, готовая провалиться со стыда к самим гномам в шахту.

Лотер сделал глубокий вдох и занес руку для удара, молодой вытаращился, готовый принять наказание с открытыми глазами. Хранитель зарычал, но вместо того, чтобы полоснуть когтями по незащищенной шее, громко хлопнул его по плечу.

– Значит так, – проговорил Лотер. – Как тебя звать?

– Фалк, – не дрогнув ответил звереныш, хотя под бурой шерстью щеки белее снега.

– Ты прав, Фалк – сказал Лотер. – Всех инициаций я не проходил. И, если бы ты чуть лучше знал законы стаи, понял бы, что изгнанные ворги либо погибают, либо становятся могучими и опасными одиночками. Так что сядь, подумай, опасен ли я, и не позорь свою мать. Или, может, вспомнишь, какой закон для стаи самый важный?

Фалк нервно сглотнул, клыки медленно втянулись, а облик постепенно стал человеческим. Маленькая воржиха с рыжими веснушками на все лицо, что цепляется за юбку шаманки пропищала:

– Подчинение и слово вожака.

Лотер оглянулся на малышку и кивнул, та смущенно потупила взгляд и спряталась за юбкой матери.

– Вот видишь, Фалк, – проговорил полужверь. – Даже щенята знают главный закон. В стае, где я родился, тебя за такое выгнали бы. Но сейчас вы в моей. И выгоняю я за другое.

Из кучки старых воров, что сидят возле раскидистого дуба послышался глухой голос.

– Да не тяни уже, сказывай, чего собрал всех.

Лотер оглянулся, брови сшиблись на переносице, но гневный порыв сдержал, поскольку он хоть и вожак, пусть даже трижды Хранитель, со старшими говорить положено почти-тельно.

Он снова обвел взглядом собравшихся и проговорил:

– Ворги, вы клялись мне в верности?

Полузвери загалдели, словно вопрос их оскорбил:

– Клялись!

– Конечно, клялись!

– Как же иначе?

– Мы же сами к тебе пришли!

Лотер немного подождал, слушая, как они наперебой обиженно возмущаются, потом вскинул ладони. Гвалт стих, а он продолжил:

– И, согласно законам стаи, должны беспрекословно соглашаться со всем, что говорю. Так?

Ворги снова начали роптать, но Лотер покачал головой и посмотрел так сурово, что все притихли. Он покосился на Фалка, который опустился обратно на полено и смотрит на вожака снизу вверх, как нашкодивший щенок. Потом сделал шаг и произнес:

– Если вы приносили клятву, так почему перекидываетесь в людских кварталах средь бела дня? Разве я не запретил?

Фалк поднял руку и попытался вставить:

– Вожак...

Но Лотер отмахнулся от звереныша, как от назойливой мухи.

– Вам что, нашего леса мало? – продолжал Лотер, все больше выпуская клыки. – Так идите за границы Цитадели и перекидывайтесь в большом лесу. Там вас никто не увидит, кроме зайцев.

– Вожак... – снова проговорил молодой ворг.

Но Хранитель зарычал и бросил на него такой бешеный взгляд, что звереныш в ответ моментально покрылся длинной бурой шерстью.

– Что за манеру взял, перебивать? – огрызнулся Лотер. – Совсем мать свою осрамил. Вон, слышно, как пыхтит, не знает, куда глаза спрятать. Или это ты законы стаи нарушаешь? Так я мигом уму научу, раз дома недодали.

Лотер расвирепел, как дикий бык, готовый снести на своем пути все, что попадетсЯ. В таком состоянии ворги прежде Хранителя не видели, и теперь тревожно переглядываются, шепчутся, постепенно покрываясь шерстью и вытягивая когти.

Полузверь шагнул к молодому воргу, тот мигом вскочил, и подсогнул колени, готовый принять бой, который, скорее всего, станет последним в жизни. Лотер, выше на голову, навис над ним, как грозовая туча, клыки вытянулись, а крылья носа затрепетали.

Звереныш шумно сглотнул и проговорил, выпуская клыки:

– Вожак, можешь оторвать мне голову хоть два раза. Пусть я и не очень хорошо знаю законы стаи, но всегда выполняю все, что говоришь. Если надо, поклянусь еще раз.

Лотер грозно зарычал и снова занес когтистую лапу. Едва она понеслась к морде звереныша, старый ворг под дубом окликнул:

– Вожак!

Хранитель застыл и нехотя оглянулся, поскольку выказывать неуважение к старшим не имеет права ни вожак, ни король, никто либо другой.

Он сдвинул брови и вперил взгляд на повидавшего жизнь полузверя. У того волосы сплошняком седые, даже на теле, которое успело покрыться шерстью. Левое ухо короче правого, видимо, оборвали в бою, спина чуть сгорблена, но мышцы выпуклые и сухие, что значит, все еще перекидывается, несмотря на почтенный возраст.

– Что хочешь сказать? – мрачно спросил Лотер, опуская руку.

Старик посмотрел на двух других воров по бокам от себя, таких же седых и ссутуленных, потом глянул Хранителю прямо в глаза и произнес:

– Лотер, ты прослыл мудрым вожаком. К тебе приходят и просят покровительства из разных стай. Воржихи, потерявшие воров, чувствуют себя в безопасности под твоей опе-

кой. Детеныши хотят быть похожими на тебя, даже игру придумали, как стать Лотером. Неужели ты позволишь ярости застелить твой ум?

– Считаешь, я неправ, если накажу? – спросил Лотер.

– А с чего решил, что он виновен? – поинтересовался в ответ старый ворг.

– Да больно умный, – отозвался полузверь кривясь. – Дерзит. Не люблю, когда поперек жоака в пекло лезут.

Старый ворг покачал головой и сказал:

– Каждый из нас поклялся тебе. А этот звереныш готов сделать это еще раз. Он ничего не нарушал.

– А если врет?

– Значит, мы все врем, – ответил старик, пожимая плечами. – Но тогда какие мы ворги, если врем главному жоаку в мире? Жоаку, которому поклялись, за которым пойдем на смерть, и с которым будем пировать на костях врагов? Тогда мы не ворги. Мы хуже людей, если дошли до такого.

Лотер окинул недоверчивым взглядом звереныша, который скалит клыки, но в глазах обреченность и готовность вступить в бессмысленную схватку.

– Верно, – согласился Хранитель. – Ворг, который врет своему жоаку, создание мерзкое и достойное сурового наказания. Но я сегодня добрый, потому спрошу еще раз. Кто перекидывается в людских кварталах? Обещаю голову не отрывать.

Вперед выступил молодой темноволосый ворг со шрамом

через левую щеку до самого уха. Лотер глухо зарычал, готовый выполнить обещание не отрывать голов, но как следует потрепать предателя и выгнать из Цитадели без права возвращения.

Но тот прижал ладонь к груди и поклонился.

– Вожак Лотер, – сказал он. – Я готов призвать великую медведицу в свидетели. Мы никогда не шли против твоего слова. Я говорю от имени всех полужверей, которые идут под твоим началом. Мы тебе верны и останемся такими до смерти. Мы ворги, а не какие-то там гномы, или не приведи медведица, эльфы. И я клянусь тебе во второй раз, чтоб ты больше никогда не посмел сомневаться в преданных тебе врагах.

Когти на его пальцах вытянулись, он полосонул ими по ладони, потом быстро приблизился и коснулся ею стоп Лотера, оставив багровый след.

Полужверь смутился, но когда остальные ворги сделали то же самое, и стали приносить клятву во второй раз, только бы убедить его в беспрекословной верности, озвер спал. Шерсть превратилась в волосы, клыки втянулись, а к щекам прилила волна горячего стыда.

Он смотрел, как ворги, один за другим повторно приносят клятву верности, ему, вожаку, посмевавшему усомниться в своих полужверях, и ощущал острое желание перекинуться кротом и зарыться глубоко в землю.

Когда все вернулись на свои места, стопы Лотера покрылись плотным багровым слоем. Он насупил брови и поднял

взгляд на стаю.

– Что же выходит? – пробормотал он. – Что ли Теонард с амазонками врут? А на кой?

Ворги развели руками, а Фалк, все еще бледный, как весенний снег проговорил, вытирая оцарапанную ладонь о портки:

– Нам об этом ничего не известно, вожак. Но в нас больше не сомневайся.

Лотер еще больше нахмурился, пару секунд смотрел куда-то в траву, надеясь отыскать там ответ, потом сделал глубокий вдох и поднял голову.

– Ворги, – сказал он громко, – я принимаю вашу клятву. Во второй раз. Осрамился я, каюсь.

Из толпы стало доноситься:

– Да мы понимаем, вожак...

– Тяжкое это бремя...

Лотер кивнул.

– Да, непростое, – проговорил он. – Вы мне поклялись во второй раз. А я клянусь в ответ больше не позорить вас недоверием.

Фалк, что ближе всех, вскинул кулак и, потрясая им в воздухе, прокричал:

– Да будет вечно свиреп и мудр Лотер, вожак и Хранитель! Да вернет он свою принцессу!

Остальные ворги подхватили и через секунду лесок заполнился громогласным рычанием и криками во славу мудрого

и славного Лотера, который не только умеет отрывать головы, но и знает, как верно управлять стаей, может одним ударом лапы свалить оленя, повергает нежить в ужас...

Полузверь выслушивал одобрителные выкрикивания, с трудом натягивая улыбку, которая больше напоминает оскал, и не мог понять, о какой принцессе речь.

Когда общая волна возбуждения спала, ворги стали расходиться. Каждый посчитал долгом лично попрощаться с вожаком, поэтому прошло еще полчаса прежде, чем поляна с землянкой опустела.

Он оглядел притоптанную десятками ног траву, потом поднял голову.

Ворговское собрание затянулось, и солнце успело опуститься к верхушкам деревьев, подсвечивая кроны так, что те кажутся изумрудными, как в Восточном крае.

– Мда... – протянул полузверь, все еще разглядывая сочную листву над головой. – Нехорошо вышло.

В просветах веток мелькнула крылатая фигура то ли гарпии, то ли горгоны. Крылатые женщины похожи, но вот горгулья Мелисс отличается. Если первые изящные, хоть и опасные в боевой форме, то горгулья мощная, плотная и опасная в любое время суток.

Долго голову задранной стало держать тяжело, Лотер потер шею и хрустнул так громко, что из кустов вспорхнула стая воробьев. Один, с желтым клювом и детским пушком на брюшке, заметался по кругу, потом помчался прямо на

Лотера и стукнулся в могучую грудь.

Тот подхватил птенца на ладонь, воробьеныш запищал так отчаянно, словно его уже бьют и грозятся сожрать целиком.

– Тихо-тихо, – проговорил ворг. – Не верещи. Не буду я тебя глотать. У тебя и мяса-то нет.

Но воробьеныш все пищал, пока ворг не посадил его на ветку шиповника. Лишь тогда тот замолк и стал смотреть на него то одним, то другим глазом.

– Развопился, – буркнул Лотер отшагивая. – Думаешь, у меня других дел нет? У меня тут леший знает, что творится. Еще недовольных воробьев не хватает.

Он сунул пальцы в карман и вынул пару зеленоватых косточек, похожих на леденцы. Ловким движением подбросил и, поймав ртом, шумно захрустел. По рту растекаясь сладковатый сок.

– Слушайся старших, – наказал полужверь воробью.

Тот округлил глаза, словно понял, а ворг во второй раз за день направился к выходу из леска.

Когда вышел, на небе появились тучки и затянули солнечный диск. Полужверь облегченно вздохнул, радуясь, что не придется бродить по жаре. Со стороны моря прилетел свежий бриз и дышаться стало совсем свободно.

Он бросил быстрый взгляд на башню Теонарда, которая высится суровой неприступной колодой, потом оглянулся на замок Страга, куда более внушительный, чем резиденция

Главы. Подумав пару секунд, двинулся по тропе, что ведет во второй круг, где живут первые поселенцы.

Пока шел, в небе появилась еще одна фигура. По мере приближения, Лотер разглядел красный воинственный гребень, блестящие, словно намащенные, перья, и легкий, но плотный доспех на груди.

Когда птеринг приземлился, поднялась туча пыли. Ворг замахал руками и стал отплевываться.

– Тьфу ты! Как корова шлепнулся. В вашей птерингии приземляться не учат?

– Это я специально, – сообщил Керкегор подходя. – Чтоб создать эффект таинственности и мощи.

– Ты создал эффект пыли и грязи, – проговорил Лотер, вытирая нос. – Чего прилетел? Тоже какую-нибудь гадость про воров рассказать хочешь?

Керкегор вскинул брови.

– Почему гадость? Я лишь хотел поздороваться. Ты ведь неделю не показывался. Уже думал проверить, живой ли. Иначе как без тебя за твоими зверями следить?

– Скажи лучше, что боишься, как бы мой осколок кто не прикарманил, – буркнул ворг.

– Ну, – многозначительно произнес птеринг, – не без этого. Все-таки вопрос щепетильный. Вообще, мне кажется, надо поднять вопрос преемственности. Мало ли что может случиться.

Лотер посмотрел на него исподлобья и спросил хмуро:

– Это ты на что намекаешь?

– Я не намекаю, – сообщил Керкегор. – А выношу важный вопрос на обсуждение. Представь, если кто из Хранителей умрет, кому положено забрать осколок? И как? Меня в той битве не было, но слышал, что у мертвого Хранителя осколок забрать не получилось.

Лотер покосился в сторону, где из-за домов доносится ку-дахтанье наседки, и хмыкнул.

– Тебя все беспокоит, что имеешь лишь один осколок, а не два? – спросил он, двинувшись в сторону жилищ.

Керкегор пошел рядом.

– Не совсем, – сказал он. – Конечно, от второй части Талисмана не отказался бы...

– Пуп развяжется, – перебил его полужверь.

Тот посмотрел недовольно и сказал:

– Какой ты учтивый. Ничего. У меня еще восемь жен. А значит, как минимум восемь птенцов. Хоть один, да будет сыном. При удачном стечении обстоятельств, второй осколок можно вручить ему.

Лотер подозрительно посмотрел на птеринга. Тот вытаращил глаза, перья на голове приподнялись, словно понял, что говорит что-то не то. И тут же быстро произнес:

– Вообще-то я не об этом. Просто все короли назначают себе преемников, наследников. Иначе, если те вдруг умрут, в королевстве начнутся беспорядки и междоусобные войны. Цитадель только начала становиться на ноги, и такие потря-

сения ей сейчас не к чему.

– Какой ты внезапно красноречивый и думствующий стал, – проговорил ворг еще подозрительней. – Тебя, случайно, Теонард не покусал?

– Почему Теонард? – не понял Керкегор.

– Да это он у нас поговорить любит. Как начнет, так и не закончит никак.

Птеринг покачал головой.

– Никто меня не кусал, – сказал он. – Просто птеринги думающий народ. В отличие от всяких мохнатых и лысых.

Полузверь нахмурился, недовольный, что в который раз за день приходится выслушивать неприятное про воргов, и пошел быстрее. Но птеринг, обычно чуткий к переменам настроения собеседника, сделал вид, что не заметил попытки отделаться от него, и тоже ускорился.

– Или еще, например, – продолжил птеринг непринужденно, одновременно косясь на ворга круглым глазом, – если кто вздумает отлучиться. Каонэль или ты за своей ненаглядной. Как тогда быть?

– Да нет у меня никаких ненаглядных, – огрызнулся полузверь. – Вы что сговорились все сегодня?

– Кто все? – спросил Керкегор, поднимая перья на голове, словно крайне обижен тоном. – Нет так нет. Не всем же иметь восемь жен.

Лотер бросил на птеринга подозрительный взгляд, но тот спокоен, как лебедь, начищающий перья. Или искусно дела-

ет вид, что спокоен. Зато в ушах ворга зашумело, словно кто-то орет прямо в слуховой проход, но из-за близости слов не разобрать. Полузверю пришлось крепко встряхнуться, чтобы шум исчез.

Пару минут шли молча мимо домов и построек, в которых люди держат скот. Лотер вертел головой, приплюхиваясь и шевеля носом, чем вызывал страх у жителей, которые время от времени попадаются на пути. Одна девица, которая развешивала белье, вообще бросила тазик и побежала в дом. Но ворг заметил, как выглядывает из двери и неотрывно разглядывает его могучую фигуру.

Керкегор тоже глазеет по сторонам. Идет спокойный и величественный, словно на приеме у короля. Когда они дошли до второго круга, спросил:

– Слушай, Лотер, а куда ты идешь?

– И ты за мной, – добавил полузверь хмуро.

Тот кивнул.

– Ворг впервые за неделю вышел из берлоги, или где вы там спите, – сказал птеринг. – Как можно такое пропустить? Только мрачный какой-то. Спалось плохо? Пол в берлоге недостаточно грязный?

– Настоящий ворг должен уметь спать хоть в болоте, – сказал Лотер морщась.

– Тогда чего недовольный?

Лотер не выдержал. Повернувшись к птерингу, прямо посмотрел в глаза.

– Слушай, чего ты привязался? – спросил полузверь. – Хотел узнать, жив ли я? Так вот он я, живой и здоровый. Лети дальше, следи за своими женами.

Птеринг ничуть не испугался, остался стоять на месте, лишь гребень на голове стал еще краснее, что значит, готов выхватить меч, а орудует он им не хуже, чем ворг когтями и клыками.

Керкегор чуть отшагнул и проговорил, глядя на небольшой двор, где причитает мужик, хватаясь за голову:

– Мои жены так примерны и послушны, что могу оставлять их, когда захочу. Но вот там, похоже, все не так гладко.

Он указал на мужика. Лотер оглянулся и раздраженно заворчал.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем. Только если начнешь козни строить, удавлю, как бешеного петуха.

Керкегор вскинул клюв и хмыкнул, мол, попробуй, но когда направились к дому человека, сказал:

– Так что стряслось? Нет, я уже не из праздного любопытства спрашиваю. Ты вылез из логова, злой, недовольный. Сразу полез в человеческий квартал. Не верю, что говорю это, но, может, я могу помочь?

Лотер недоверчиво покосился на него и проговорил:

– А я-то как не верю. Я вообще тебе не верю. Запомни. Но... В общем, Теонард на моих воров жаловаться приходил. Просил усмирить.

Птеринг вытаращился на него и прыснул.

– Всего-то? – удивился он. – Так усьмири. Я думал, там беда какая. А тут...

– В том-то и дело, – проворчал полужверь. – Мои ворги клянутся, что в жизни меня не ослушались.

– Ну, – протянул Керкегор со знающим видом и пнул сапогом камешек. – Клясться можно в чем угодно. Мало ли чего под страхом смерти можно наговорить. Ты себя вообще видел? Селина или Аэлло узрят, в обморок упадут.

До дома, где мужик со скорбным лицом ходит взад-вперед, осталось несколько метров. Лотер покачал головой и произнес:

– Нет, Керкегор. Ты не понимаешь. У воргов это не так работает. Если полужверь клянется в чем-то жожаку, ему легче себе глотку перегрызть, чем нарушить клятву. Может, это у вас плюют на законы, но наши порядки суровы. И работают.

– Ты на наши порядки не клевети, – предупредил птеринг. – Но так и быть, сделаю вид, что поверил. Угу, а сюда, значит, пошел, чтоб самолично проверить?

Полужверь кивнул. Молча зашел через калитку во двор, где мужик уже уселся на порог и, обхватив голову, тяжело вздыхает. Он даже не обратил внимания, что к нему зашел ворг, которого легко опознать по небрежному виду и порткам, которые единственная одежда.

Лотер быстро оглядел двор. Одного взгляда хватило, чтобы понять, здесь был ворг, повсюду следы ног и лап, ворота в коровник распахнуты. На пороге в расщербине доски кло-

чок шерсти, что значит перекидывался прямо тут.

– Будь здоров, добрый человек, – проговорил полужверь громко. – Чего ты сидишь на пороге, ни жив ни мертв?

Тот даже не поднял головы.

– Да какой тут жив... – простонал мужик. – Ваша братия мне корову извела. Издохла под утро. Чем я семью кормить буду?

Брови Лотера сдвинулись, он наклонился к порогу и вытащил из щели в доске клочок шерсти. А мужик продолжил жаловаться.

– Истоптал весь двор, все грядки, – говорил он. – Какое-то вредительство. Если посевы не взойдут, да корову не найду, это голодный год всему дому. А где я столько денег на новую корову возьму? У гоблинов самые лучшие, да цены больно клыкастые. Это ты послал своих воров на меня? За что?

Лотер все мрачнел. Потом поднес клочок к носу и пару раз втянул. Его глаза закрылись, и он застыл, лишь когда Керкегор осторожно ткнул его в плечо, полужверь очнулся и повернулся к птерингу.

– Ничего не понимаю, – сказал Лотер.

– Что? – участливо поинтересовался Керкегор. – Нос отказал? Не чует.

Тот пропустил колкость птеринга и проговорил, озадаченно потирая щеку:

– Не понимаю... Это не мои ворги.

Глава 3

Керкегор округлил и без того по-птичьи круглые глаза.

– Что значит, не твой? – спросил он. – А чьи же еще? Тут других Хранителей от воров нет. Значит, какие– бы ворги ни были, все твои.

Полузверь потер между пальцами шерсть и снова втянул носом. Потом проговорил:

– Да нет, не мои.

– И как это понимать?

– А так, – сказал Лотер. – Я знаю запахи всех воров, которые пришли в стаю. А этот чужой. Не подходил он ко мне, и не клялся в верности. Вот как это понимать.

Птеринг вскинул голову, клюв устремился в небо, словно намеревается его проткнуть, осанка стала ровной и величественной.

– Говорил же, вы дикие и неотесанные, – сообщил он. – Без вожака не можете себя вести нормально. Нет бы каждого научить порядку.

Лотер сурово взглянул на него, засовывая клочок шерсти в карман, и проговорил:

– Слушай, я тебя не учу, как своих жен воспитывать. А ты не лезь в мои стаю. Идет? А то мне настроение с утра испортили, аж есть захотелось. Знаешь, какой я, когда голодный.

– Знаю-знаю, – усмехнулся Керкегор. – Еще более дикий и неотесанный. А мои жены хорошо воспитаны. Они послушные.

– Не хвастайся, – буркнул ворг.

Мужик, который все это время сидел на пороге и сокрушенно качал головой, сетуя на мир, который жесток и не дает хорошим людям спокойной жизни, поднял взгляд на полужверя.

В глазах мелькнула тревога вперемешку с ненавистью, которую даже не пытается скрыть. Он выпрямил спину и положил локти на колени, затем произнес с нажимом:

– Ворговский Хранитель, так что же мне теперь делать? Твои звери принесли беду в мой дом, нам нечего будет есть, а у меня пятеро детей. Мы приехали в Цитадель потому, что прослышали, как тут хорошо и безопасно. А на деле?

Керкегор усмехнулся клопочущим, похожим на петушинный, голосом.

– А на деле получили стаю воргов под боком, – сообщил он довольно. – Если бы я, птеринг, был Главой...

– Если бы птеринг был главой, – перебил его Лотер, окинув мрачным взглядом, – людей бы сюда вообще не пустили. А то и перебили для устрашения.

Птеринг поморщился и сказал, окидывая взглядом двор, по которому словно стая медведей пробежала:

– Вот только не надо всех по себе судить. Мы не такие кровожадные, как вы. Может и прибили бы нескольких, в на-

зидание. Но что бы всех... За кого ты принимаешь великий народ птерингов?

Лотер проигнорировал его и, развернувшись, пошел по двору, заглядывая во все углы, внимательно присматриваясь и принюхиваясь к каждому следу. Потом зашел в коровник, долго осматривал место вокруг погибшей скотины. На деревянной перекладине, что служит загородкой в загоне, обнаружил следы от когтей, длинные и глубокие.

Проведя по ним пальцами, Лотер помрачнел еще больше. Затем вышел обратно во двор, где солнце уже скрылось за макушками деревьев, а облака окрасились в золотистые цвета, и покачал головой.

– Он нарочно наследил, как свинья, – сказал он. – Этот полужверь точно не из моей стаи. И это не хорошо.

– Не сможешь контролировать? – снисходительно поинтересовался птеринг.

Лотер сделал вид, что не заметил издевки. Вернувшись к порогу, где мужик все так же сидит и переводит взгляды с одного Хранителя на другого, сложил руки на груди и уставился в одну точку.

Керкегор и фермер некоторое время наблюдали, как полужверь шевелит бровями и напряженно что-то бормочет под нос. Потом птеринг аккуратно произнес:

– Не хочется отвлекать тебя от несомненно важных воровских дум, но разве не нужно сообщить об этом Теонарду?

Лотер оглянулся. Пару секунд смотрел на Керкегора, пы-

таясь понять, кто это вообще такой, и почему тут стоит, потом взгляд снова стал осмысленным.

Он покачал головой и ответил:

– Нет. Теонарда мне с утра хватило. Жаловался на воров. Сам разберусь.

– Но все-таки, – заметил птеринг, щурясь, – он Глава Совета.

– Глава, – согласился Лотер. – А я ворг. Я ни перед кем не отчитываюсь. Особенно, если дело касается полужверей. Он просил разобраться. Вот я и разбираюсь.

– Опрометчиво, на мой взгляд.

Лотер отмахнулся.

– Ничего не опрометчиво, – бросил он. – Все равно ты ему доложишь.

Гребешок на голове Керкегора поднялся, глаза гневно блеснули, а ладонь легла на меч, что висит на боку. Он выкатил грудь колесом, как бойцовский петух, готовый броситься в атаку и заклевать нахала, который посмел сунуться в его курятник.

– Наш великий народ не какие-нибудь доносчики! – выпали птеринг. – Если честно, мне вообще плевать. Главное, чтобы моих не трогали. Я не собираюсь терпеть оскорбления от всяких лохматых.

Лотер поморщился, утомленный компанией Керкегора. Покачав головой, мол, да, знаю, какие вы великие, древние и самые мудрые, хотел повернуться к мужику, который все

еще ждет решения, но Керкегор не унимался.

– И вообще, – произнес птеринг с вызовом, – я хотел тебе предложить что-то вроде союза. Пока этого не сделал эта зеленая морда, Гнур. Я же знаю, ворги делают что-то лишь ради выгоды.

– Да? – огрызнулся Лотер. – И что выгодного в дружбе с пернатыми?

– Если бы нашли общий язык, – проговорил птеринг чуть спокойнее, – у птерингов появилась бы дополнительная территория на севере Изумрудных лесов.

Лотер хохотнул и даже перестал сверлить взглядом землю, в которой давно должна была появиться дыра до самых гномьих шахт. Он хлопнул себя по бедру и сказал:

– Так это птерингам выгода. А воргам где? Слушай, Керкегор, отстань. Мне, видишь, некогда. Я хоть и полузверь, а знаю, союз можно заключать только если выгодно обоим.

Керкегор ничуть не смутился, наоборот, еще сильнее выпрямился и упер левый кулак в бок.

– Сам факт того, что ты состоишь в союзе с птерингами, уже великая выгода.

Лотер покачал головой.

– Прости, Керкегор, – сказал он. – Может я действительно, дремучий потому, что такая выгода слишком смутная.

Мужик на пороге внимательно слушал разговор Хранителей, но по лицу ясно, понимает не больше половины, а то и меньше. Когда повисла очередная пауза, он поднялся.

Даже стоя на пороге, он оказался на полторы головы ниже Лотера, и на все две стройного, закованного в пернатую броню птеринга.

Мужик пару секунду кусал губы, словно собирался с духом, потом произнес:

– Не гневитесь, Хранители. Вы умные речи говорите, не понятные простому фермеру. Но что мне делать теперь? Без коровы? К Хранителю Теонарду идти? Так к нему не достучишься, поди.

Керкегор ухмыльнулся и победно посмотрел на полувзвря, мол, ну, что будешь делать с человеческим подопечным.

Лотер покривился, но сказал:

– С Хранителем Теонардом сам разберусь. Корову тебе добудем. А то Хранитель Теонард мне потом всю плешь проест.

Птеринг встрепенулся и стал коситься на затылок ворга.

– Плешь? – поинтересовался он. – У тебя уже есть плешь? Стареешь? Лотер, говорю тебе, надо найти преемников, сыновей, дочерей. Иначе помрешь, придется ждать, пока сгниют твои останки, чтоб забрать осколок.

Лотер проговорил недовольно:

– Мы не закапываем своих умерших, а предаем священному огню. И нет у меня никакой плещи. Не заговаривай зубы.

– Да? Но ты все равно следи.

– Не надейся. Я живучий, – сказал Лотер и обратился к

мужику: – Значит так. Корову мы тебе добудем. Но только не раскатывай губу. Это я не по доброте, а по необходимости. Чтоб потом моих воров почем зря не обвиняли. Где, говоришь, самые хорошие коровы?

Лицо мужика просияло, взгляд мигом изменился, ненависть испарилась, и он стал благодарно заглядывать снизу-вверх.

– Ой, спасибо, Хранитель! – проговорил он дрогнувшим голосом и схватился за грудь, словно боится, что выпрыгнет сердце. – Чтоб я делал без вас. До Теонарда-то, поди, не добратся. Он в башне, высоко, далеко. А ворги, они вот, прямо тут на земле. Ходят, творят, что хотят. Ой, я что-то не то говорю, наверное.

– Коровы, спрашиваю, где продаются? – повторил Лотер сурово.

Мужик вытер трясущимися пальцами лоб и сказал:

– Так у гоблинов коровы. У гоблинов самые хорошие. У них и огороды, как на подбор, ладные все. А коровы в неделю удои дают, какой моя и в месяц не давала.

– Значит, у гоблинов, – повторил Лотер кивая и с ухмылкой посмотрел на птеринга.

Тот сделал такое лицо, словно его оскорбили, но его древняя и мудрая раса слишком велика, чтобы обращать внимания на такие мелочи. Затем провел ладонью по гребешку и развернулся в сторону юга, где находится его резиденция.

Лотер усмехнулся.

– Уже уходишь? – спросил он.

– У меня срочные дела, – отозвался Керкегор двинувшись по дорожке мимо дома.

– А что, разве не пойдешь со мной к гоблинам? – спросил Лотер, невольно расплываясь в улыбке, больше напоминающей оскал.

Керкегор бросил через плечо:

– Вот еще. Делать мне больше нечего, как ходить ко всяким зеленомордым. И подумай о союзе с птерингами. Второй раз предлагать не буду.

Он вскинул голову. Выйдя в калитку, гордо зашагал мимо построек, покачивая красным он негодования гребнем.

Когда птеринг скрылся из виду, Лотер двинулся в сторону моря, где расположилась резиденция гоблинов. По пути пытался отделаться от увязавшегося следом фермера, который чуть ли не за ноги цепляется и говорит, что только он сможет выбрать правильную корову, что ворги, хоть и могучи, но в скотине ничего не смыслят.

Даже звериный оскал мужика не напугал, только речь стала быстрее. Лишь, когда Лотер напомнил, как некоторое время назад, один гoblin убил человека, за то, что тот сжег его дом, пыл фермера угас. И через несколько метров он сообщил, что в огороде его ждут неотложные дела, но будет с нетерпением ожидать возвращения Хранителя воргов и новой коровы.

Когда мужик ушел, Лотер, наконец, спокойно вздохнул,

впервые оказавшись в блаженном одиночестве за день. Он решил обойти Зал Советов справа, чтобы лишний раз не попадаться на глаза птерингу, от которого с таким трудом отделался.

Потом быстро пробежал около замка Страга, чтобы тот случайно не выглянул из какой-нибудь щели и тоже не пожаловался на воров. Когда бежал мимо каменной горы Грагрха и болота Булука, темп чуть сбавил потому, что эти почти все время спят и точно не станут звать. Башню мелкинда тоже преодолел спокойно. Виллейн так увлечен магическими делами, что даже если на крышу приземлится дракон – не заметит. Тем более птеринга, который зачем-то нацелился ему в окно.

Хотел окликнуть, мол, чего пернатый тут делает, если клялся, что пошел в резиденцию, а сам воздухом к мелкинду прибыл. Но потом отмахнулся – только избавился от него. Пускай творят с магом, что угодно. Лишь бы от него подальше.

Зато, когда оказался у блестящего купола ихтионки, из прохода показалась аккуратная мордашка, обрамленная белоснежным пухом волос и красными, как, у эльфийского единорога, глазами.

– Привет, Лотер! – крикнула она и помахала. – Давно ты в нашу сторону не ходил. А у меня платье новое.

Она вышла на низенький порожек, чистая и свежая, как облупленное яичко, и пару раз крутанулась на месте, схва-

тившись за края платья. Зеленая юбка поднялась куполом, переливаясь золотистыми нитями, которые вшиты в ткань.

Селина засмеялась и произнесла:

– Это мне Каонэль отдала, а Эвриала перешила. Потому, что было слишком велико, особенно в некоторых местах. Но теперь в пору.

Лотер оглядел ее с головы до ног и пробормотал:

– Мда... и впрямь в пору.

Платье, доставшееся Селине от эльфийки действительно перешили по размеру, оставив лишь глубокий вырез, которыми изобилуют все наряды серой. Но если декольте Каонэль едва не прорывает ткань, то на фигурке ихтионки наряд висит, как на мальчишке.

– А ты куда идешь? – спросила ихтионка, видя, что Лотер мрачнее обычного. – Что-то случилось?

Полузверь покривился.

– Ничего такого, что стоило бы твоего внимания, – отозвался он. – Не забывая свою чудную головку всякой ерундой.

Надбровные дуги Селины сдвинулись, личико нахмурилось, она надула губы и проговорила обиженно:

– Я, если не забыл, спасла вас от огненного тролля. Можно и сказать, если случилась беда.

– Конечно спасла, – успокаивающе проговорил ворг. – И если беда случится снова, тебя первую позовем. Честное воргское.

Селина подозрительно прищурилась, глаза превратились в красные щели.

– Правда?

– Обещаю, – клятвенно заверил полужверь, глядя на изумрудное платье Селины.

В груди заворчалось, он попытался сосредоточиться на мысли, которая постоянно ускользает, но красная завеса в голове сгустилась так плотно, что теперь напоминает стену. Он не знал, почему это платье вызвало копошение в памяти, но ощущение не самое приятное.

Лотер вздохнул, а Селина, заметив набежавшую на лицо полужверя тень, спросила торопливо:

– Лотер, ты какой-то очень мрачный. Уверен, что не могу помочь? Я, хоть и не сухопутная, но могу сварить похлебку из водорослей. Они тонус поднимают. Сразу настроение улучшится. А? Будешь похлебку? Правда, я давно не варила. Но постараюсь ничего не напутать.

Ворг покачал головой, представляя, как будет давиться варевом из морской травы, и сказал:

– Спасибо за заботу, Селина. В другой раз, обязательно. Сейчас дел много. Ты пока лучше накорми Керкегора своей похлебкой. А то он такой угрюмый, такой угрюмый.

Лицо Селины стало встревоженным, глаза с рубиновой радужкой округлились, она спросила:

– Серьезно?

– Да вот только расстались с ним, – ответил Лотер чест-

но. – Обиделся, что не хочу отдавать ему северные Изумрудные леса. Знаешь, как расстроился?

Ихтионка вздохнула.

– Керкегор мне, конечно, не очень нравится, – произнесла она. – Но если он в печали, то суп из водорослей ему нужен, как рыбе вода. Пойду варить.

Селина скрылась в куполе, который похож на тот, что венчает верхушку Зала Советов, а ворг мрачно ухмыльнулся и двинулся к резиденции Гнура, которая раскинулась, как настоящая гоблинская деревня.

По мере приближения Лотер стал различать звуки музыки, смех, топот ног. Когда подошел к первому дому, перед которым раскинулся огород с тыквами, из двери вышла северная гоблинша с кувшином.

Она окинула воргa недовольным взглядом и спросила:

– Чего пожаловал? На праздник? Мы всяких полужверей не пускаем.

– Я не всякий, – отозвался Лотер и сунул пальцы в карман.

Когда из него показался блестящий край осколка, лицо гоблинши переменилось, взгляд стал тревожным.

– Беда что ли какая? – спросила она, подтягивая кувшин к груди.

– Мне нужен Гнур, – отозвался Лотер, игнорируя вопрос зеленомордой. – Отведешь?

Гоблинша помялась немного, словно решает, стоит пускать воргa на веселье гоблинов и что скажет гоблинский

Хранитель. Потом потрогала короткие, но острые бивни над нижней губой и сказала:

– Идем. Только если с дурными новостями...

– Я по делу, – сказал ворг.

Гоблинша облегченно вздохнула, и они двинулись в центр резиденции гоблинов. Пока шли, Лотер глазел на добротные домики, ухоженные огороды и загоны для скота, построенные с такой дотошностью, что птеринг обзавидовался бы.

Впереди перед трехъярусным домом Гнура полыхает костер. Языки пламени взлетают в небо на три ворговских роста, вокруг пляшут северные и южные гоблинши в нарядах из шкур. Все босые, с короткими цветными гребнями на головах. Гоблины в стороне тоже что-то пританцовывают, но неохотно, будто для вида. Зато к столам, которые выставлены по обеим сторонам от костра, бегают часто. Те выставлены до самых огородов, не обойти, только напрямик пробираться.

Чуть дальше за костром и толпой пляшущих деревянное возвышение с широким стулом, на котором гордо восседает Гнур. Рядом на таких же стульях какие-то другие гоблины и гоблинши, которых Лотер прежде не видел. Все довольные, смеются, выпячивают бивни и время от времени выкрикивают что-то одобрителное танцующим.

Полузверь покосился вверх. Солнце, сползло к морю, небо приобрело лиловые краски, а отблески огня на лицах гоблинов придают зловещий вид.

Гоблинша, что привела ворг, указала вперед.

– Вот, иди, – сказала она. – Только не говори, что я привела. А то вдруг чего дурного расскажешь, а меня обвинят.

Лотер кивнул.

– Оставлю в тайне, – сказал он и двинулся к Гнуру сквозь извивающиеся в танце тела.

Гоблинские женщины танцевали так увлеченно, что несколько раз чуть не вспороли бивнями грудь Лотера. Приходилось уворачиваться, как во время битвы, отпрыгивать и втягивать живот.

Кое-как полуживот выбрался из толпы веселящихся гоблинов, а выйдя на свободный пяточек, отряхнулся и проверил карманы. Убедившись, что осколок на месте, в глубокой потайной складке, куда даже ловкие пальцы воришек не пролезут, полуживот облегченно выдохнул.

– Лотер! – донесся скрипучий голос со стороны возвышения.

Ворг оглянулся.

Гнур замахал ему, не вставая со стула. Полуживот направился к нему, спеша убраться подальше от размахивающих бивнями зеленомордых красавиц.

– Чего у тебя тут за пир? – спросил ворг подойдя и усевшись на стул, который быстро освободила миниатюрная гоблинша по приказу Гнура.

– Праздник урожая, – ответил гоблин. – Каждый год надо справлять, чтоб все хорошо росло, плодилось и размно-

жалось.

– Гоблинши вокруг костра для этого танцуют? – спросил Лотер.

– Конечно! – выдохнул Гнур. – Чем лучше пляшут, тем лучше задобрятся боги. А, значит, урожай будет хорошим. Тыквы, знаешь ли, на новой земле должны прижиться. А они, как известно, любят тепло. Стало быть, нужно задабривать духа огня.

Музыка стала ритмичнее. Лотер скользнул взглядом по крепким фигурам гоблинш в коротких юбках, с обнаженными животами, что стали извиваться перед костром еще иступленней, и хмыкнул.

– Ну конечно, – сказал он, ухмыляясь. – Духа огня. Как же. Скажи лучше, что поглазеть на клыкастых девиц восхотел.

Глаза Гнура округлились, бивни выпятились вперед, он проговорил возмущенно:

– Да что ты вообще знаешь о празднике урожая? Сидите у себя в лесу, кости грызете. А ферма и скотина особого подхода требует. Она как, крашар, любит заботу.

Он любовно погладил кривой ятаган на поясе, с которым не растает даже во сне, и добавил:

– Ты чего пришел? Тоже поглазеть... В смысле, духов огня задобрить?

Полузверь снова покосился на танцовщиц и проговорил, прочистив горло:

– Не совсем. Тут вот какое дело...

– Ох, не нравится мне такое начало, – перебил его гоблин.

– Да погоди ты, – отозвался ворг, хмурясь. – Помощь нужна.

Гнур прищурился и внимательно посмотрел на полузверя, словно пытается разглядеть подвох. Потом отхлебнул из кружки, которую поднесла все та же миниатюрная гоблинша, которая освободила место Лотеру, и сказал:

– Ладно. По старой памяти готов выслушать. Мы с тобой дрались бок обок. Хотя резиденцию строили мне ого-го, как долго. Но зато теперь погляди.

Он демонстративно провел дланью, показывая, какой размах у его резиденции, сколько гоблинов, огородов и домов с легендарными печками.

Лотер скользнул взглядом по постройкам, которых стало немного больше, чем, когда только возвели Гнуру дом. Потом сказал:

– Нужна корова.

Надбровные дуги гоблина поднялись, глаза округлились, а рот раскрылся, еще больше оголяя и без того опасные бивни.

– Корова? – не понял он.

– Да, – нехотя повторил ворг. – Корова. Обычная, которая молоко дает.

Гнур пару секунд непонимающе смотрел на полузверя, потом отдал кружку гоблинше и спросил:

– А тебе зачем корова? Сожрать? На сожрать не дам. У нас каждая голова ценится. Потому, как выращивается из телен-

ка с особой тщательностью. Нечего всяким воргам их есть.

Лотер замотал головой.

– Да не собираюсь ее есть, – сказал он. – Мне своей дичи хватает.

– Ну раз, не собираешься есть, – ответил Гнур с облегчением, – тогда куда ни шло. Разводить будешь? Не ужели ползувери решили заняться полезным? Хвалю. Ели будете продолжать в таком духе, когда-нибудь станете такими же мудрыми и умелыми, как гоблины.

Ворг поскреб подбородок и сказал:

– Это не для меня.

Гнур встрепенулся.

– А для кого? – спросил он. – В подарок женщине? Ты лучше крашар тогда подари. Крашар лучший подарок. Это я тебе со знанием дела говорю. Ни одна женщина не устоит, если ей преподнести новенький ятаган с зеркальным лезвием, да удобной ручкой.

– Да причем тут женщины? – огрызнулся ворг. – Это фермеру одному. Пообещал.

Гоблин даже отпрянул.

– Погоди, – сказал он. – Это для человека что ли?

– Ну да.

Руки Гнура сложились на груди, он сдвинул надбровные дуги и покачал головой.

– Э, нет, – сказал гоблин. – Тебе еще бы выдал корову. Хоть плохенькую, но выдал бы. А за людей даже не проси.

Меня мои собраты не поймут, если начну раздавать коров после того, как они сожгли дом нашему сородичу.

– Если не забыл, вы убили поджигателя, – напомнил Лотер.

– А кто видел? – спросил Гнур. – Кто докажет? Никого мы не убивали. Мы безвинно пострадавшая сторона в этом деле. В общем, без обид, Лотер, но человеку корову не дам. Сходи к Брестиде. Может она что дельного скажет.

Лотер недовольно вздохнул. Поднявшись хрустнул шейей так, что сидящая рядом гоблинша подпрыгнула и выронила кружку из рук. Та с грохотом упала, а на деревянном помосте растеклась небольшая лужа.

Гнур раздраженно покосился на нее, мол, что ты за гоблинша, если от каждого шороха вздрагиваешь, а зеленомордая девица быстро подобрала кружку и спрыгнув с помоста, затерялась среди танцующих.

– У Брестиды, вроде, кони только, – сказал ворг.

Гнур развел руками.

– Ничем не могу помочь, – сообщил он. – Может, твоему человеку конячье молоко подойдет? В жарких странах, говорят, пьют молоко двугорбых лошадей. И вообще, ты чего за людей просишь? Человеком стать решил?

Лотер посмотрел на гоблина, словно тот вылил ему на ноги ведро помоев.

– Я тебя разве обижал? – спросил он. – Пришел, нормально спросил. Нет, так нет. Зачем обзывать сразу?

– Какой обидчивый, – буркнул Гнур.

– Задумчивый, – поправил его ворг. – И не ел давно.

С этими словами полужуверь развернулся и двинулся сквозь толпу танцующих гоблинш в сторону востока, уворачиваясь от острых, как крашары, бивней.

Глава 4

Голодный и недовольный разговором с Гнуром, разладом в стае и озадаченный словами Керкегора о преемниках, Лотер дошел до гномьей таверны.

Протиснувшись между стульев, едва не цепляясь макушкой за потолок, он опустился за стол в углу. Когда мимо пробежала гоблинша в белом переднике, ворг помахал.

– Квас и гуся, – попросил он.

– А пирог с малиной? – спросила гоблинша.

Лотер покачал головой.

– Сегодня без пирога, – сообщил он.

Зеленомордая ускакала, а ворг стал наблюдать за таверной.

К вечеру в "Лихом молоте" собралось столько народу, что стало трудно дышать. Из шахты Тарната повывлезали гномы и орут, как прокаженные. Гремят кружки, отовсюду гогот и бранные шуточки.

Кроме гномов, за двумя столами северные гоблины, те хоть и не любят рубак, но в таверну заходят. За барной стойкой три человека, сразу видно, воины. Доспехи скромные, но сделаны добротнo, такие носят лишь те, кто пользуется ими в бою, а не на праздники надевает. За плечами мечи, у одного на поясе кинжал, лица суровые, обветренные в

долгих странствиях. Этих Теонард принял сразу, сообщив, что прибыли из его земель, и передал на попечение Страгу. Драки и убийства запретил, пригрозив моментальной расправой всем, кто хоть боком будет причастен. Народ поворчал, но смирился, хотя оружие все равно носят при себе.

За ближним столом с бесстрастным лицом сидит эльф с кружкой ледяного молока. Волосы непривычно короткие, темные. Лотер потянул воздух, но в таком обилии запахов даже его дед ничего не разобрал бы. После того, как солнечные эльфы признали Каонэль своим Хранителем, в Цитадель приехало два эльфа-странника. Серая едва чувств не лишилась, когда к ее Дереву привели двух закованных в кожаные доспехи остроухих. Спустя час уговоров согласилась поселить у себя на нижнем ярусе в одних покоях. Измотанные дорогами странники были счастливы, рассказали, что Сильвирел, величественный город лесных эльфов восстановлен, а его правитель призывает всех вернуться.

Когда эльф заметил, что его разглядывают, коротко кивнул и поднял кружку с таким лицом, мол, обстоятельства вынуждают, а сам бы я ни в жизни не стал с тобой здороваться.

Лотер поднял кружку с квасом в ответ.

– А что, – спросил он, перекивая шум таверны, – в Дереве Каонэль не кормят?

Эльф pokrивился.

– Кормят, – ответил он, – и получше, чем в этом злчном месте.

– Так чего пришел? – удивился ворг. – Сиди на ветке, ешь свою пыльцу.

– Там слишком народа много, – сообщил эльф чуть улыбнувшись. – Я лесной, люблю, чтобы личное пространство было. А в Дереве не только эльфы, но и эльфийки. Делаешь шаг, а тебе кричат, это не трогай, сюда не клади, там вытри.

Брови Лотера приподнялись, он хмыкнул.

– Ты вроде не похож на высокомерного, – сказал он. – Болеешь?

Лесной снова улыбнулся, как мог бы улыбаться меч, и произнес:

– Странники не похожи на солнечных. Жизнь в дороге, когда твой дом превратили в рассадник чудовищ, меняет характер. Но это не значит, что не порублю на кусочки, ели что-то пойдет не так.

Эльф похлопал себя по бедру, где висит длинный меч в кожаных ножных. Лотер одобрительно кивнул.

– Ты, видать, хороший охотник. Может в ворги пойдешь?

– Мне и эльфом хорошо, – отозвался лесной, делая глоток из кружки.

Гоблинша, наконец, принесла поднос. Перед Лотером на стол опустилась большая кружка пенного кваса и блюдо с дымящимся гусем. Поджаристая корочка потрескалась, и ароматный сок стекает на блюдо.

Ворг голодно сглотнул и потянул носом.

– Благодарствую, – сказал он и положил на столешницу

серебряную монету.

Гоблинша расплылась в улыбке, пальцы цапнули серебро, через секунду оно оказалось в нагрудном кармане, а разносчица умчалась в кухню.

С гусем ворг справился быстро, оставив на блюде лишь костяной остов. Вытерев пальцы о бедра, принялся за квас.

За соседним столом громко загоготала компания гномов, один грохнул кружкой по столу, пена расплескалась и заляпала пол. Пробегавшая мимо гоблинша возмущенно затараторила, размахивая подносом, пригрозила больше не подносить кружки, а сочного гуся, которого просили час назад, вообще выбросить свиньям. Гном заворчал и размазал лужу носком сапога. Гоблинша покачала головой и удалилась, громко вздыхая и ругая нескладных подземников.

Эльф покосился на рубак, во взгляде мелькнула брезгливость, но быстро скрылась за привычным бесстрашием.

– Гномы... – проворчал он.

Лотер переложил ногу на ногу и ухмыльнулся.

– Гномов не любишь?

– А за что их любить? Ходят шахты везде свои копают.

Природу портят.

– Это ты Тарнату расскажи, – предложил полузверь. – Он тебе мигом пояснит, кто гном, а кто, так себе.

Лесной эльф покачал головой.

– С гномами указаний разговаривать не было.

– А с кем было? – поинтересовался ворг больше для ви-

ду, потому что на площадке, где играли трубадуры, началось движение, менестрели стали отходить к стенкам, оттаскивая инструменты.

Лесной ответил, покосившись на него пронзительными зелеными глазами:

– Это не твое дело, Хранитель. Наш рыжий король не очень жалуется воргов, если честно. Мне с тобой даже говорить не положено.

– Так чего говоришь? – спросил Лотер.

Эльф пожал плечами.

– Так ведь здесь короля нет, – сказал он.

На освобожденном месте рядом с барабанщиком и дударем появилась девушка. Черные волосы до пояса, грудь и бедра прикрыты шкурами, зато живот оголен, видно, как перекатываются мышцы. Плечи узкие, но тоже натренированные, лицо тронута солнцем, что значит, много времени провела в пути. Можно было бы принять за амазонку, если бы не глаза. Девушка смотрит, чуть прищурившись, как лиса.

Губы Лотера поползли в стороны, он глубоко втянул воздух, забыв, что в таверне перемешались все ароматы, и сказал:

– Хороша.

Эльф оглянулся.

– Эта что ли? – спросил он. – А как же принцесса?

Ворг чуть нахмурился.

– Какая принцесса?

– Что значит, какая? – проговорил эльф, чуть подняв бровь, что означает крайнее удивление. – В Цитадели легенды ходят, как у воровского Хранителя украли невесту. Или как-то так, точно не знаю. Но слышал. Некоторые даже спорят, ставки делаю. Одни не верят в принцессу, другие верят, но думаю, что не найдешь.

Лотер покосился на него, лицо стало еще мрачнее.

– Мне все с утра напоминают, – произнес он.

– Видимо, любопытствуют, – предположил эльф.

– Да только не знаю я никакой принцессы, – сказал ворг, снова поворачиваясь к девушке, которая села на стул и уперлась ладонью в колено. – Не знаю.

Брови эльфа поднялись на самый лоб, он обернулся, проследив взгляд ворга, потом спросил:

– Так это не правда?

– Что?

– Принцесса.

Ворг тяжело вздохнул и проговорил нехотя:

– Да говорю же, не знаю, о чем речь.

Лицо эльфа стало еще озадаченней, уши задергались, а брови сошлись, образовав морщину.

– Не понятно тогда, откуда такая молва... – сказал он задумчиво. – Ну ладно. Пускай все не правда. Но почему на человеческую женщину смотришь?

Ворг посмотрел на него, будто эльф коза или утка, которая слов не понимает, но как-то приходится объяснять куда

идти и что делать. На всякий случай прикинул, не встречал ли где принцесс, которые могли пустить слух о нем, таком прекрасном и великом, но ничего не вспомнил.

Пару мгновений кривился, решая, говорить с остроухим дальше и послать к лешему, потом все же проговорил:

– Во-первых, слепой ты тетерев, это воржиха. Видишь, глаза какие? И тело крепкое, и движения выверенные. Да и пахнет она по-особому. А во-вторых, не твое это дело.

Тем временем девушка выпрямилась, откинув голову. Смоляные волосы колыхнулись, а грудь выкатилась вперед, натягивая шкуру. Таверна затихла, даже гогочущие гномы за соседним столом поставили кружки и, затаив дыхание, смотрят на женщину. Потом в тишине застучал барабан, на удивление тихий и осторожный, словно кошачья поступь, потом присоединился дударь. Мелодия полилась плавная и спокойная. А потом девушка запела.

Все, кто был в таверне застыли с открытыми ртами и тарачатся на девушку, чей колдовской, с хрипотцой голос очаровал не хуже магического порошка. Песня полилась медленно, как река во время разлива, потом быстрее, и к концу стала страстной и горячей, похожей на костер во время весенних праздников.

Ворг слушал, неотрывно следя за движениями девушки, которая вскидывала голову в такт, хлопая себя по бедрам, и воздевала руки к небу.

Когда она замолчала, таверна на секунду погрузилась в ти-

шину, потом хор одобрения прокатился, как гром в летнюю грозу. Гномы, гоблины, люди, хлопали, забыв на мгновение о расовых отличиях, разногласиях и войнах за земли.

Под овации девушка поднялась, поклонилась на три стороны. Взгляд остановился на Лотере, она ослепительно улыбнулась, чуть вытянув клыки, и быстро скрылась за маленькой дверцей.

Ворг потер щеку и повторил:

– Хороша.

Лесной эльф допил ледяное молоко и поднялся.

Сделав едва заметный кивок, что в отношении ворга вообще немыслимо, он сказал:

– Удачи, Хранитель воров.

Потом прошагал к барной стойке и взял у гнома бутылку ледяного молока. Послав Лотеру еще один сдержанный кивок, двинулся к выходу.

Полузверь попытался проследить за ним до двери, но тот моментально смешался с толпой.

Лотер поднял руку, чтобы позвать гоблиншу и попросить еще кваса, но заметил, что с другого конца стойки застыл другой ворг с кружкой пенного. Рука опущена на столешницу, а сам щурится.

Незнакомец долго сидел, глядя куда-то перед собой, пока Лотер пытался вспомнить, видел ли его в своей стае. Когда готов был сам подойти, незнакомец поднялся. Расталкивая коленями гномов и гоблинов, которые даже не обратили

внимания на него, направился к Лотеру.

Ворг наблюдал, как полужверь приближается, разглядывая приплюснутый нос, короткие, обгрызенные в драках уши и маленькие, как у борова, глазки. Волосы непривычно короткие для ворга, подрезанные до ершика.

Когда тот подошел и взглядом спросил разрешения сесть, полужверь пару секунд оценивающе осматривал его, сдвинув брови.

Но незнакомец ответил прямым взглядом, нос дернулся, будто тоже оценивает.

Лотер нехотя проговорил:

– Садись. Говори, чего надо. Только быстро и по делу.

Пришлый быстро опустился напротив него на лавку и проговорил:

– Я тебе не эльф. Я по-простому.

– По-простому, это хорошо, – согласился ворг, поглядывая в сторону, где скрылся лесной эльф. – Всегда надо просто и понятно, а то от эльфийских вывертов зубы сводит и есть хочется. Знаешь какой я, когда голодный?

Чужак ухмыльнулся, на загорелом лбу появилась морщина.

– Знаю-знаю, сам таким был, – сказал он загадочно. – Но это в прошлом.

– Высокопарно говоришь, – заметил Лотер, пытаясь разобрать запах подошедшего. – Точно в предках эльфов нет? А то рожа у тебя непонятная. Откуда такой взялся?

Чужак облокотился на стол и проговорил:

– Издалека. И пришел сюда с заданием и посланием.

– О как, – проговорил ворг, исподлобья разглядывая покрытые шрамами плечи, словно в них долгое время врезались веревки. – И кто послал?

Незнакомец покачал головой и произнес:

– Тебе об этом рано знать.

Лотер в очередной раз шумно втянул носом, глаза прищурились. Он поковырял языком в зубе, предусмотрительно выпустив левый клык, и сказал:

– Рано, говоришь? Ну ладно, рано, так рано. Только не припомню тебя в моей стае. Кто таков?

– А я не из твоей стаи, – с ухмылкой ответил чужак. – И очень рад этому.

Кто-то открыл дверь, и в помещение ворвалась струя свежего воздуха, налетев на пришлого со спины. Ноздрей Лотера коснулся резкий мускусный аромат, какой витал у фермера в коровнике и на клочке шерсти.

Губы расползлись в оскале, он зарычал, довольный что, наконец, ощутил его запах.

Еще несколько секунд Лотер втягивал воздух, изучая и запоминая все грани аромата, по которым опытный ворг может узнать, где был, что ел, когда и даже с кем валялся на сеновале.

Он нахмурился и откинулся на спинку стула. Зато пришлый улыбнулся во все зубы, показывая не в меру длинные

клыки, которые на людях Хранитель воров выставить запретил.

– Значит, ты дерзкий и своевольный, – заключил Лотер, взглянув прямо ему в глаза.

Тот ухмыльнулся.

– Немного. Когда того требует долг.

– Но ты пришел в Цитадель, – сказал полузверь, не сводя с него взгляда. – А судя по твоему виду, ты одинокий ворг, стаи у тебя нет. В Цитадели есть правила, которые ты нарушил, и я могу честно оторвать тебе голову. Хотя, согласно закону, ко мне должен относиться с почтением. Ты на моей территории.

Пришлый кивнул и сказал:

– На твоей. Но все меняется.

– Это ты, что ли, поменяешь? – спросил Лотер, вытягивая и второй клык.

– Кто знает, – отозвался пришлый.

Хранитель, забыв о наказе не превращаться без надобности на людях, стал медленно покрываться черной густой шерстью. В венах погорячело, клыки удлинились на ладонь, он уперся ладонями в столешницу и прорычал глухо:

– Пришел оспорить право вожака?

Стриженный ворг тоже положил ладони на стол и ответил, покрываясь красноватой, с неприятным мерцанием, шерстью.

– А если и так? – отозвался он. – Если есть более достой-

ный вожак, разве не по справедливости отдать власть ему? Более молодому и умелому.

По телу Лотера прокатилась волна, которая мгновенно покрыла его озвером, превратив в жуткое двуногое чудовище, похожее на медведя и волка одновременно. Он поднялся неспешно, как подобает вожаку и отшагнул в проход между столами.

– Любой может оспорить право вожака, – хрипло сказал он.

Народ в таверне притих. Те, кто оказался слишком близко к двум опаснейшим существам в Цитадели, побросали кружки и кинулись в толпу. Вокруг воров образовался свободный пяточек.

Стриженный ворг поднялся следом и встал напротив Лотера. Надбровные дуги напоззли на глаза, как утесы, клыки вылезли и стали такими же мощными, как у Хранителя, а ногти на пальцах заменились крючковатыми когтями.

Он с нескрываемой ненавистью посмотрел на Лотера и сказал, глубоко дыша, чтобы нагнать в себе ярость:

– Любой может. И я оспарю. Еще как оспарю! И заберу осколок! Я выполню клятву!

С этими словами он с ревом ринулся на Лотера, как разъяренный лось.

Лотер успел отскочить. Туша пронеслась, снеся стол, и врезалась в стену. Стриженный ворг в озвере оказался на пол головы выше Лотера, и шире в плечах. Он моментально

обернулся и оскалился на Хранителя красноватыми клыками.

Лотер скользнул по ним взглядом и подсогнул колени, принимая боевую стойку, а когда стриженный ворг снова кинулся, поднырнул ему под локоть и выкинул в сторону руку. Когти вошли в мягкое и глубоко пропоролы кожу, по таверне раздался вопль боли и ярости.

– Да хранит меня... – проревел стриженный скорчившись.

Лотер оказался за спиной противника, тот резко развернулся и с размаху чирканул лапой. Полузверь едва успел отскочить, но на груди все равно остались четыре неглубокие царапины. Ворги зарычали и сцепились.

Краем глаза Хранитель видел, как остальные в трепетном ужасе наблюдают драку двух чудовищ. Они рвали друг друга на части, выдирая шерсть и такие куски плоти, что будь это человек, помер бы на месте. Но на воргах раны затягиваются быстро, а звериная мощь не дает закончить бой, заставляя идти в новую атаку.

Никто их присутствующих не решился разнять полузверей, а Лотер заметил, что противник почти не ослабел, хотя успел получить с десятков опасных ран, от которых даже ворг потеряет стойкость.

Самого Хранителя тоже потрепало, бок горит, там стриженный выдрал кусок, когда Лотер не успел увернуться. По спине стекает горячее. Но ни он, ни противник так и не зацепили друг друга клыками.

Наконец, Лотер извернулся и оказался на груди стриженного.

– Проси пощады... – прохрипел он, сдавливая шею противнику. – Проси... Поклянись... в верности...

Глаза стриженного выкатились, на клыках выступила пена, он стал рвать руки Лотера когтями, чтобы тот отпустил, но полузверь морщится, рычит и продолжает давить.

– Проси... дурак... – повторил Хранитель. – Удавлю же...

– Двум смертям не бывать... – просипел стриженный и неожиданно перестал сопротивляться.

Его пальцы скользнули в карман, а когда Лотер, чуть ослабил хватку, запихнул ему в рану на боку что-то вязкое. Хранитель взревел и одним резким движением свернул противнику шею.

Повисла гробовая тишина, в которой слышно лишь тяжелое дыхание Лотера. Качаясь, он поднялся. Народ отшатнулся, а Лотер повернул голову к стене, где висит старое забрызганное брагой зеркало. Оттуда на него взглянуло залитое кровью чудовище на двух ногах, с красными, как у единорога, глазами и глубокой раной на правом боку.

Он сделал шаг, из толпы высунулось лицо воржихи, что пела с трубадурами. Глаза перепуганные, губы раскрыты, а ладони прижаты к груди, словно боится, что сердце сейчас выскочит и укатится под стол.

– Я... – прохрипел Лотер, – подтвердил право вожака...

Он поднял залитое кровью лицо на присутствующих, но

увидел, что они с ужасом смотрят ему за спину. Медленно, словно огр после спячки, Лотер повернулся, пошатываясь от слабости, которая растекается из раны в бок.

Перед ним, целый и невредимый, стоит стриженный ворг и злорадно ухмыляется.

– Говорил же, двум смертям не бывать, – сказал он и оскалится. – На самом деле на право жоака мне плевать. Куда важнее то, что ты бесправно себе присвоил, став Хранителем.

Лотер, скривился, словно увидел слизняк на портках, и снова принял боевую стойку. Но слабость из раны расплзлась до самых ног, его стало медленно клонить в сторону.

– Не возможно... – зарычал Лотер, потрянув головой, и приготовил когти для удара.

Стриженный посмотрел на него победно и сказал:

– Уверен, что выступишь во второй раз?

– Ты не можешь стоять, – ответил Лотер, сплевывая под ноги. – Я тебя убил.

– Да? – удивился стриженный. – А чего я тогда не мертвый?

Верхняя губа Хранителя поднялась, он сказал брезгливо:

– Хороший вопрос.

Лотер сделал шаг вперед, готовый ринуться в атаку, но его качнуло, колени обмякли, пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть. Он потряс головой, как одурманенный бык, но наваждение не прошло, а красный туман в голове стал

медленно расползаться.

Мутными глазами Хранитель посмотрел на стриженного, который приблизился к нему на расстоянии вытянутой руки, когда сможет беспрепятственно полоснуть когтями по незащищенному горлу.

– Я тебя убил, – снова прохрипел Лотер. – Все видели.

– Видели, – согласился стриженный. – А теперь увидят, как я убью тебя.

Лотер напрягся и согнул колени для прыжка, но слабость стала такой невыносимой, что вместо прыжка получилось дерганье, и его уперло плечом в стену.

– Что за леший... – прошептал он.

– Это подарок, – заговорщически проговорил стриженный и занес когтистую лапу над Хранителем. – Она щедро наградит меня, когда узнает, что я справился сам.

– Кто? – хрипло спросил полужверь

– Еще не понял? Ничего, скоро поймешь.

Лапа стриженного понеслась к нему, сверкая острыми, как крюки, когтями, а Лотер скривился и оскалился, готовый даже в таком состоянии нападать. Когда до шеи полужверя осталось всего ладонь, перед Лотером что-то сверкнуло, глаза стриженного округлились, потом голова медленно съехала с шеи и, грохнувшись на пол, укатилась под стол.

Тело рухнуло следом. Присутствующие охнули, а лесной эльф, который стоит за обезглавленной тушей и аккуратно вытирает лезвие платочком, проговорил:

– Думаю, если ты его уже убил, то второй раз не считается.

Лотер вытаращился на него, ноги окончательно перестали держать, и он медленно сполз по стене. Раскрывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба, полуживотное откинул голову, стукнувшись затылком, и проговорил, быстро возвращаясь в человеческий облик:

– Не считается. Ты... как тут... Зачем вернулся? Помог... зачем?

Эльф закончил вытирать меч и с деловым видом засунул его в ножны.

– Каонэль послала, – ответил он. – Сказала, чтоб купил ледяного молока побольше потому, что она не собирается сама идти в эту отвратительную таверну.

Гном слева возмущенно запыхтел, а эльф поспешил оправдаться.

– Это не я придумал, это с ее слов. Если хотите высказать, высказывайте ей. Но не уверен, что это у кого-то получится. Она не в духе.

– А ты, значит, послушался? – прохрипел Лотер, совсем сползая на пол.

Когда глянул вниз, заметил, как рана на боку потемнела. От нее по коже поползли темные прожилки, словно лапки паука, а тело медленно обмякает и обездвигивается.

Эльф пожал плечами.

– А почему нет? – сказал он. – Она эльфийский Хранитель. Это кое-чего стоит. Тем более вернулся, а тут такое.

Помог потому... Тут ведь что-то не по чести происходило?
Верно?

– Верно...

– Слушай, ворг, в ваших драках и состояниях я не разбираюсь, – проговорил лесной, – но это нормально, если ты белый, как солнечный эльф?

Лотер шумно сглотнул, язык пересох и поцарапал небо. Он покривился и сказал:

– Я тебе уши поотрываю за такое сравнение.

– Ну конечно, – отозвался лесной эльф морщась. – Но ты действительно абсолютно белый.

Лотер попытался поднять руку, чтобы погрозить кулаком наглому, хоть и спасшему его эльфу, но сил хватило лишь шевельнуть пальцами. Между гномами протиснулась воржиха, та самая, что пела, как богиня. Она метнулась к Лотеру и стала быстро осматривать рану.

В черных глазах тревога, волосы рассыпались по плечам и лезут в лицо полужверя, но у того нет сил, чтобы отвернуться.

– Рана глубокая, но не так чтобы обессилить ворга, – сказала она дрожащим голосом. – Тебе должно хватить сил, чтобы встать и самому дойти до леска. А там уснуть целебным сном. Ничего не понимаю.

Она резким движением оторвала край юбки и попыталась зажать рану, но Лотер невероятным усилием остановил ее руку и проговорил натужно:

– Нет... сперва...

– Что? Что ты говоришь? – не поняла воржиха.

Лесной эльф в стороне и постояльцы таверны молча и с горячим интересом наблюдали, а Лотер поманил ее пальцем, чтоб наклонилась.

Когда ее ухо оказалось у самых его губ, Лотер прошептал так, чтоб никто, кроме нее, не услышал:

– Сначала очисти рану.

– А сам не сможешь? – удивилась воржиха.

– Хотел бы, – шепнул Лотер. – Да не успею.

Глаза девушки округлились еще больше.

– Почему? – тревожно спросила она. – Почему не успеешь?

– Отключусь, – ответил Хранитель воров. – Батлок. В ране батлок.

Голова Лотера безвольно упала на грудь, и он провалился в забытье.

Глава 5

Лотеру мерещились огнетролли, жуткие крылатые твари, желающие сожрать его целиком, чей-то до боли знакомый голос непрерывно завал из-за багровой завесы, заполнившей мир. Когда гигантская морда коровы помчалась на него с диким ревом, полузверь открыл глаза.

Свет отозвался острой болью в голове, ворг застонал и сомкнул веки. Звуки обрушились на него, словно эхо в горах, а голоса показались незнакомыми и гулкими. Он попытался прислушаться, но уловил лишь неразборчивые фразы.

– Нет, лекарь уже на пороге, – произнес кто-то шепотом. – Не успею.

– Надо было быстрее шевелиться, – отозвался второй также тихо, но с каким-то клокотанием. – Кто это был? Что за чужой ворг? Твои проделки? Чуть не испортили все. Надо придерживаться плана, иначе все пропало. Он чуткий, как демон. Даже сейчас.

Первый, более мягкий шепот, проговорил:

– Нет, не мои. Я не знаю, кто это был. Ты мне ясно дал понять, что неповиновения не потерпишь.

– Помнишь, молодец, – бросил второй клокочущий. – Хорошо, что пришлый издох. Так ему и надо.

– Не смей так говорить, – отозвался первый шепот. – Он

все-таки ворг.

– Нам тут только лишних воров не хватало...

Полузверь снова попробовал открыть глаза, но боль резанула еще сильнее, и он опять провалился в забытие. На этот раз без видений.

Когда во второй раз пришел в себя, несколько минут лежал без движения, прислушиваясь к ощущениям в теле. Боль в боку притупилась, кто-то возится рядом, иногда прикасаясь к повязке, которой перетянули рану. Попробовал пошевелиться рукой, та налилась каменной тяжестью и поддавалась с большим трудом.

Заворчав, Лотер все же открыл глаза. Несколько мгновений мир представлял собой мутное цветное пятно, а когда проморгался, перед ним оказался худошавый парень в сером одеянии. Парень щупает повязку на боку и что-то бормочет.

Когда заметил, что ворг очнулся, лицо просияло.

– Наконец-то! – выдохнул он. – Уже хотел чего-нибудь пахучего тебе под нос дать. Думал, не очнешься.

– Ты кто? – прохрипел Лотер, пытаясь приподняться на локте.

Но парень придержал его за плечи и сказал:

– Лучше пока лежи. Я Араон, лекарь из замка Страга. У тебя рана серьезная. Не понимаю, как выжил.

– И не такое бывало, – все еще хрипло отозвался полузверь, откидываясь на подушку. – На воргах быстро зарастает.

Лекарь кивнул.

– Я заметил, – сказал он. – Как только прочистил рану. В ней дрянь какая-то была. Потом кровь течь все же перестала. Да и сейчас заживает на глазах. Но тебя все время погружает в сон.

Лотер покосился на, бок, туго перетянутый белоснежными бинтами, и спросил:

– Где я?

– В "Лихом молоте", в комнате для ночлега, – ответил лекарь. – Ты как сознание потерял, сразу перетащили сюда, чтоб всякие не глазели.

Полузверь оглядел тощую фигуру парнишки, который по возрасту для лекаря слишком молод, но травы и склянки перекладывает на коленях со знающим видом. Потом обвел взглядом комнату.

Потолки низкие, тесно, словно гномы специально сделали помещение похожим на шахту. У противоположной стены маленький столик, а слева в небольшое окно льется свет луны, рисуя бледную дорожку на полу.

– Сколько я тут лежу? – поинтересовался полужверь.

– Сутки, – отозвался лекарь. – Как притащили сюда, так и лежал в беспамятстве. Иногда бормотал что-то, кого-то звал. Бледный, как...

– Только попробуй про эльфов заикнуться, – пригрозил полужверь, поворачиваясь на бок и морщась. – А чего со мной возишься? Мне платить нечем.

Лицо парня вытянулось, глаза округлились, он проговорил растерянно:

– Так ведь я лекарь. Я за травами ходил. Шел мимо таверны, а тут шум, гам. Как протиснулся сквозь толпу, тут ты полуживой, а над тобой воржиха. Какой же я лекарь, если не стану лечить?

– Так я ж ворг, – буркнул полужверь.

– Для лекаря нет разницы, кого лечить, – произнес Араон, заглядывая в сумку. – Мы люди мирные, полезные. А ты хуже смерти выглядел. Воржиха от тебя не отходила, пока не выгнал, чтоб не мешала.

Лотер хмыкнул.

– Прямо не отходила?

– Честное слово, – заверил лекарь. – Я зашел сразу, как ты отрубился. Осмотрел. С тремя гномами перетащили тебя сюда....

– Меня несли гномы? – изумился ворг. – То-то думаю, чем-то пахнет.

Араон кивнул, ковыряясь в сумке.

– Сказали, ты вешишь, как чугуна. А воржиха твоя...

– Она не моя.

– Хорошо, – согласился лекарь, засовывая руку все глубже в сумку, – не твоя. В общем, воржиха эта, прямо так хлопотала. Только отвернусь, она уже возле тебя сидит пылинки сдувает. Когда выходил за водой, вообще заперла дверь и никого не пускала. Вот и решил, что твоя.

Лотер покачал головой и все же сел. Бок заныл, но ломота в теле прошла, он провел языком по пересохшим губам и сказал:

– Воды бы. Пить охота.

Араон наклонился, послышался плеск, через секунду он протянул ковш, с которого капли падают на простынь.

Лотер обхватил ладонями и припал к воде. Живительная влага потекла по глотке, заставляя внутренности почти шипеть. Напившись, вытер губы тыльной стороной ладони и отдал ковш.

Лекарь бросил его вниз, снова послышался плеск, а он сказал:

– Насколько я понял, раны на воргах должны затягиваться быстро.

– Верно, – отозвался Лотер кивая.

– И твоя, вроде, затягивается, – продолжил лекарь. – Но что-то с ней не так. Будто там зараза какая-то. Да только не пойму, какая.

Ворг попытался встать, но Араон снова уперся ладонью в плечо.

– Лучше лежи пока, – сказал он.

– Да некогда мне тут разлеживаться, – огрызнулся полуживое. – За помощь спасибо. Но дел много. А рана заживет, не впервой.

Араон нахмурился, на лицо набежала тень, он посмотрел на ворма так, словно пытается проникнуть в голову, разгадать

загадку. Но полузверь лишь ухмыльнулся и развел руками.

Лекарь покачал головой. Через секунду наконец что-то нащупал в сумке и вытащил склянку с темно-синей жидкостью. Он навел ее на свечу и прищурился одним глазом, будто так может разглядеть неведомые ингредиенты. Потом вздохнул и протянул Лотеру.

– Возьми, – сказал он. – Не знаю, что в тебе за гадость, но это снадобье поможет вывести ее из тела. Не сразу, но постепенно. Пей два раза в день. Поначалу может быть дурно, но лучше потерпеть, чем потом сгинуть от неизвестной хвори.

Лотер молча взял и сунул в карман, промолчав о батлоке, о его влиянии на воров, и о том, что сейчас беззащитен, как овца.

Араон вернул пучки трав и склянки в сумку, затем поднялся и сказал:

– Я пойду. А то Страг хватится, где меня сутки носило.

Лотер медленно, словно его и впрямь опоили какой-то гадостью, спустил ноги на пол, едва не вступив в кадку, из которой Араон набирал воду, и проговорил:

– погоди, я тоже пойду.

– Тебе лучше бы полежать, – посоветовал лекарь.

– Нечего мне в гномьей таверне разлеживаться, – отозвался полузверь поднимаясь.

Араон не стал спорить, попытался подставить плечо, но Лотер посмотрел на него угрюмо, и лекарь выставил перед собой ладони, мол, не трогаю, делай сам.

Толкнув дверь, полузверь шагнул в коридор. На шею бросилось что-то маленькое, теплое, обвило руками и зашептало:

– Слава великой медведице, ты живой!

Лотера качнуло, бок отозвался острой болью, он кое-как удержался на ногах и отодвинул от себя существо, посмеившееся бесцеремонно вешаться на Хранителя воров. Черноволосая воржиха, что пела в таверне, застыла, вытаращив глаза, словно устыдилась собственной развязности.

– Я... – проговорила она, отшагивая, – просто переживала. Ты же Хранитель.

– Жить буду, – отозвался Лотер, глядя на воржиху сверху вниз. – Тебя как звать?

– Вельда, – ответила воржиха.

Лотер окинул ее быстрым взглядом. Воржиха молодая, крепкая, с высокой грудью, которая туго натягивает короткую жилетку. Стоит с гордо выпрямленной спиной, всем видом демонстрируя -она полузверь. Но черты лица мягкие, глаза чуть раскосые и с хитрецей, которые сейчас смотрят с тревогой и восхищением.

Ворг потер болящий бок и сказал:

– Слышал, ты заботилась обо мне?

Вельда взглянула ему в глаза и проговорила, выпрямляясь еще сильнее, отчего ткань на жилетке едва не треснула:

– Ты вожак. Так поступил бы любой ворг.

Лотер довольно оскалился и сделал к ней шаг, воржиха

попыталась пятиться, но уперлась спиной в стену. Вскинув голову, она прямо посмотрела на него, а ворг наклонился и потянул носом.

– Вожак, – проговорил он. – Да только ты не клялась мне, чернобурка. Хотя мне твой запах знаком.

Несмотря на загорелую кожу, воржиха побледнела, словно эти слова ее напугали, но взгляд не отвела.

– Это правда, – сказала она, чуть дрогнувшим голосом. – Не клялась. Потому, что у меня уже есть вожак. И я поклялась ему. Но ты Хранитель всех воргов, поэтому мой священный долг заботиться о тебе.

Лотер нехотя отпрянул, продолжая пробовать на вкус чужой запах, потом повернулся к проходу в основной зал и двинулся по коридору.

Араон и Вельда последовали за ним. Если лекарь смиренно шагает позади, то воржиха постоянно пытается прошмыгнуть справа и пойти рядом. Лотер намеренно раздвигает плечи, размахивает руками, и в узком коридоре с низкими потолками становится совсем тесно.

Когда наконец вышли в зал, посетители на секунду притихли. Гномы, чье гоготанье слышно за версту, замолкли и наблюдают, как ворги и человеческий лекарь пересекают таверну. Лишь когда они вышли на улицу, за спиной снова грянул шум.

Молча они прошли мимо шахты Тарната. Лотер поглядывал на воржиху, что без лишних приказов последовала за

ним. Спина прямая, в движениях кошачья плавность и сила, что значит, много упражняется.

Когда двигались мимо мерцающего от обилия светлячков Дерева Каонэль, из верхнего дупла высунулась фигура эльфа, что помог Лотеру в битве со стриженным.

Он коротко кивнул и сказал громко:

– Рад, что ты здоровствуешь, полужверь.

– Я тоже рад, – отозвался Лотер.

В Дереве послышалось шуршание, эльф скрылся, но чуткий слух ворга уловил:

– Рыжий король запретил общаться с полужверями.

– Это у рыжего короля с полужверями разногласия. А у остальных лесных эльфов нет.

– Ты нарушаешь приказ.

– Не нарушаю, а приспособливаю к условиям.

Лотер хмыкнул, качая головой, и двинулся дальше, в тайне радуясь, что не только в его стае разлад. В любом королевстве найдутся те, кто недоволен королем, вожаком или главой.

Когда оказались возле башни Теонарда, Араон сказал:

– Тут я вас покину. Нужно отнести некоторые травы Главе. Он в последнее время плохо спит.

Лотер кивнул.

– Отнеси, – проговорил он. – И сообщи, что с делом, которое мне поручил, разбираюсь.

Лекарь поправил сумку на плече и повернул на тропинку

вправо, которая ведет напрямиком ко входу в башню.

Лотер и Вельда пошли дальше. Полузверь еще некоторое время молчал, косясь на высокую грудь девицы и втягивая ее запах, потом произнес:

– Если у тебя есть жокак, зачем пришла в Цитадель?

Вельда, словно готовилась к вопросу, ответила быстро:

– Здесь Хранитель воров. Удивишься, но во многих ста-ях почтут за честь лично увидеть тебя, а потом вернуться и рассказывать, как встретил Лотера.

– Хитришь, лиса, – отозвался полузверь, усмехаясь.

– Не хитрю, – заверила Вельда, прижав ладонь к груди.

Этот жест от внимания вора не ускользнул. Несмотря на ноющую боль в боку, он чуть отклонился, оглядывая воржиху со спины, а та, словно нарочно, прошла вперед, покачивая бедрами.

Лотер хмыкнул, а девица вновь поравнялась с ним.

– Тогда почему не пришла сразу? – спросил полузверь.

Вельда отвела взгляд и проговорила нехотя:

– Не знала, как явиться к Хранителю, и сказать, что класться ему не буду.

– Так бы и явилась, – сказал Лотер, глядя на небо, с которого одноглазо светит луна.

Воздух наполнился ночной свежестью, впереди из воровского леса доносятся трели сверчков. Ворг время от времени трогает бок, потом подносит пальцы к носу и морщится. Вельда поглядывает на него с опаской, словно боится, что

вдруг кинется.

Когда уже оказались возле кустов малины, Лотер сказал:

– Этот ворг... Стриженный, что хотел оспорить право вожака. Он ведь... Зачарован что ли был.

– Похоже на то, – согласилась Вельда. – Или что-то еще.

Когда тебя отнесли в комнату, лекарь меня выгнал. Пришлось заняться осмотром мертвого. Никогда не видела, чтоб ворги дважды умирали. Позор и посрамление ему. Такой никогда бы не стал вожаком. Но тело его почему-то иссохло почти сразу.

Лотер сдвинул брови, в груди зародился рык, по телу потекла ярость, но оно так и осталось человеческим. Он потрянул головой, ноздри раздулись.

– Зачарованный он или нет, все равно не ладно. Ворг уже не ворг, коли боится смерти и защищает себя магией. Или что там это было, – произнес полужверь. – И кто его зачаровал? Как проник в самое сердце Цитадели?

– Не знаю, как он, – сказала Вельда. – Но я прилетела воробьем. А уже в твоём леске перекинулась человеком.

– Проклятье леших, – прорычал Лотер в бессильной ярости. – Еще бунтующих воров не хватало. И эта рана... Знаешь про батлок?

– Знаю, – сказала воржиха кивая. – Пока в он в твоей крови, ты не сможешь оборачиваться.

Вельда сопровождала его до самой землянки. В другой ситуации Лотер пригласил бы к себе, но боль в боку и об-

щая слабость заставили поступиться привычками. Тем более, воржихи, в отличии от людей, избирательны.

– Тебе следует обзавестись землянкой, если собираешься жить в Цитадели, – сказал полузверь, отпирая замок. – Или пожить у кого-нибудь. Можешь к шаманке постучаться. Скажешь, я позволил.

Взгляд Вельды опустилсЯ, чуткий слух вора уловил, как часто забилося ее сердце.

– Я лучше пригляжу за тобой, – сказала она. – Рана глубокая, не хочу, чтобы что-то случилось.

Лотер приподнял бровь.

– Уверена? – спросил он. – Переночуешь в моей землянке, все ворги узнают.

Вельда кивнула и произнесла:

– Уверена. Здоровье Хранителя важнее слухов.

Полузверь хмыкнул и толкнул дверь. В лицо пахнуло теплом и сухостью, словно кто-то натопил невидимую печь. Пройдя внутрь, Лотер чиркнул огнивом и на столе зажглась крохотная свечка.

Землянка мигом залилась теплым светом, высвечивая шкуры на полу, одинокую полку под потолком и горстки зеленых костей на столе.

Он обернулся к воржихе, которая все еще стоит в дверях, ожидая приглашения, и сказал:

– Проходи, чувствуй себя как дома. Обычно свет не зажигаю, но раз в гостях женщина...

– Я могу без света, – отозвалась Вельда, оглядывая помещение с порога и все не решаясь войти.

Лотер проигнорировал ее слова.

– Входи говорю, если не передумала, – проговорил он. – Нечего в дверях стоять. Не к добру это. Землянка у меня простая, суровая, так что...

– Самая настоящая, – перебила его воржиха и, наконец, вошла. – Такая и должна быть землянка у настоящего вора. Без вычурностей и прекрас. Даже без досок на полу.

Полузверь нахмурился, пытаясь понять, серьезно она, или пытается посмеяться над его скромным жилищем. Но потом решил, воржиха слишком осторожна, чтобы шутить над вожакон, пусть и не своим.

Он прошел к шкурам, расстеленным на полу, кривясь от боли, опустился. Вельда покосилась на кучки зеленоватых костей, глаза голодно сверкнули, а ворг проговорил:

– Бери, если нужно. Я еще нарублю. Только оклемаюсь.

Она пробормотала что-то благодарственное и запустила пальцы в горстку поменьше. Потом несколько косточек исчезли у нее во рту, Вельда жевала с видимым удовольствием, чуть прикрыв веки.

Лотер наблюдал, гадая, чем закончится вечер. Но тупая боль в боку сказала, что для него он завершится крепким сном.

Когда воржиха проглотила еще пару косточек и смущенно подняла взгляд на Лотера, мол, я не нарочно, просто давно не

ела мертвячьих костей, полужверь покашлял и отодвинулся к стене.

– Как с голодного края, – проговорил он. – Ты ешь-ешь. Спать можешь рядом. Ты приличная воржиха, приставать не буду. Если все же решишь уйти...

– Не решу, – заверила Вельда.

Лотер хмыкнул.

– Если все же решишь уйти, – повторил он, – дверь прикрой.

Она кивнула, Лотер откинулся на спину, подсунув под голову руку, прикрыла глаза. Но даже теперь видел, как воржиха переминается с ноги на ногу и порывается сделать шаг.

Через несколько секунд, послышался тихий выдох, запахло дымом свечи, а рядом на шкуру опустилось легкое тельце. Полужверь ощущал тепло, исходящее от воржихи, но остался неподвижен, делая вид, что уже спит.

Вельда несколько минут мостилась, укладывалась и переворачивалась. Когда Лотер осторожно приоткрыл левый глаз, воржиха скрутилась калачиком на самом краю шкуры к нему спиной.

Первым желанием полужверя было сграбастать женщину и подвинуть к себе, но со свободными воржихами так не поступают.

– Под столом овечья шкура, – произнес Лотер. – Можешь взять.

С другой стороны шкуры донесся упрямый голос.

– Я воржиха, а не какая-нибудь человечья девка. Переживу.

– Бери говорю, – приказал ворг. – Замерзнешь, начнешь зубами стучать, меня будить. А мне выспаться надо, силы восстановить.

Вельда поднялась. В темноте прошла к столу. Лотер невольно потянул носом, втягивая и изучая запах воржихи.

Та ковыряется под столом, гремит досками и молотками, которые полужверь там хранит. Наконец, послышался облегченный вздох. Воржиха вернулась к шкурам и опустилась на этот раз намного ближе к Лотеру.

Он хмыкнул, понимая, что Вельда прекрасно знает, где он лежит, и пытается притулиться намерено.

Когда она легла и укрылась овчиной, полужверь сказал:

– Если пинаешься во сне, лучше отодвинься. А то попадешь в рану, а я спросонья тебе голову отхвачу. Голова у тебя красивая. Жалко будет.

– Я не шевельнусь, – пообещала Вельда.

Ощущая мятный запах воржихи и ее тепло, полужверь стал медленно засыпать. Батлок все еще плавает в его крови, и сны окрасились странными картинками. Снова какие-то ворги, бесконечный бег. Чей-то мягкий голос что-то кричал ему, то ли звал на помощь, то ли о чем-то предупреждал, потом была рыжая кошка, которая бежала по багровому небу.

Лотер пытался подозвать ее, но кошка растворилась, как облако, а ее место застелил туман, такой же красный, как

гребень Керкегора.

Проснулся от грохота в дверь. Разлепив глаза, потрогал бок. Рана затянулась, но батлок все еще в теле, а значит с оборотами придется потерпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.